

Викентий Вересаев

Надежда Первухина
Проснуться живым

«Первухина Надежда»
2004

Первухина Н. В.

Проснуться живым / Н. В. Первухина — «Первухина Надежда», 2004 — (Викентий Вересаев)

Вы решили стать практикующим магом? О, сударь, как же вам не повезло! Ибо по вашу магически подкованную душу в роковой день и час явится весьма странная посетительница. И будет являться еще не однажды. Пока не перемешает ваши сны и явь, как напитки в чудовищном коктейле. Пока не лишит вас мужества ей противостоять. Но когда она, на ваше счастье, все-таки покинет вас, пострайтесь, засыпая, проснуться живым...

Надежда Первухина

Проснуться живым

Посвящается Ирине Елисеевой.

Она знает почему.

И как.

...Она из тех, кто смотрит в зеркало раньше, чем взглянуть в окно, а это самое скверное, на что способен человек...

Если вы хотите узнать женщину, не присматривайтесь к ней – она может оказаться слишком умной для вас.

Г. К. Честертон

Никто не любит змей.

Во всяком случае, по доброй воле.

Не считая, конечно, специалистов-серпентологов и всех прочих изможденных доцен-тотов-очкиариков и замученных студентов в жеваных белых халатах, которые целыми днями отираются возле террапиумов, замеряя дневную температуру зева обыкновенного аспида и придилично исследуя состав испражнений какой-нибудь виперы рогатой.

Никто не любит змей.

Но ведь и змеи тоже никого не любят.

За исключением того, кто обладает властью их вызвать.

Впрочем, это опять не любовь.

Скорее, вынужденное уважение.

Поэтому тот, кто решится вызывать змей, должен постоянно об этом помнить.
Иначе ему крупно не повезет.

Поначалу Глас Призывающего был слабым. Его заглушал немолчный шорох песков,очные вздохи джунглей, толщи потрескавшихся и мертвых скальных пород. К тому же сильные помехи создавали города и прочие человеческие поселения – там всегда было слишком шумно, суетно и торопливо.

Азывающий к пустыне не должен торопиться.

Он должен стать пустыней сам.

И тогда она услышит его Глас.

Видимо, на сей раз Призывающий знал свое дело. Его Глас не умолкал. Он разрастался над спящей землей подобно тому, как по луже растекается радужно-маслянистое бензиновое пятно. И с каждым мгновением Глас становился все сильнее и увереннее.

Он взыпал.

И две ярко-зеленые плетевидные змеи с головками, похожими на остро отточенный ноготь, заслышиав зов, прекратили спариваться. Странное дрожание сотрясло их хрупкие и тонкие тела.

Змеи еще не поняли, что их жизнь изменилась.

Но в этой жизни определенно появилась Цель.

Цель, куда более важная, чем поиск партнера, охрана кладки и борьба за территорию.

Змеи слегка приподнимали над землей свои плоские жутковатые головы и начинали Путь.

Путь к тому, кто осмелился их вызвать.

* * *

В комнате царила темнота. Иначе и быть не могло, поскольку для некоторых занятий наличие хорошей, добротно и со знанием дела созданной темноты имеет фундаментальное значение.

Например, для занятий магией.

Но полная темнота продолжалась недолго... Спичка чиркнула о коробок, и тонкий, робкий лепесток пламени вытянулся над свечой, заполняя и без того душный воздух августовского вечера ароматом воска. И оказалось, что свеча эта стоит на столе, меж двух параллельно поставленных зеркал, а за ее колеблющимся пламенем напряженно следят сидящие по разные стороны стола мужчина и женщина.

– Вы видите, Марина? Пламя колеблется, – со значением в голосе говорит мужчина.

– Да. – В голосе Мариной слышится явный испуг. – А что это означает?

Судя по голосам, эти двое еще достаточно молоды для того, чтобы перестать верить в магическую силу свечей и зеркал...

– Это значит, – голос мужчины полон усталости, характерной для прорицателей и ясновидцев, – что на вас навели порчу.

– Я так и знала! – восклицает Марина, всем своим видом показывая собеседнику, что не прочь закатить истерику. Или хотя бы просто бурно разрыдаться. – Я чувствовала!

– Что именно вы чувствовали? – Усталость ясновидца сменяется усталостью психотерапевта. При этом в голосе обнаруживается некий процент скепсиса и морального превосходства: мол, говорите, мадам, говорите, все равно окончательный диагноз вы себе сами не поставите. И только вскрытие покажет, чем вы на самом деле болели...

– Утомление, депрессию... Тошноту по утрам! Как только прихожу на работу – все валится из рук, ничего делать не могу, а ведь я директор фирмы! Подчиненные ко мне в кабинет: ах, Марина Николаевна, звонят из Контрольно-ревизионного управления, ответьте! Ах, пришли представители корпорации «Форморда» насчет аренды полезной площади – примите! А я сижу и в органайзер рыдаю – до того жизнь опротивела! И работа обрыдла!

– Помилуйте, вы так молоды, нельзя поддаваться подобным мыслям! Хотя... Не исключено, что один или два ваших сотрудника – вампиры.

– Как??

– Энергетические. Нет-нет, они не могут насыщать порчу. Они просто высасывают из вас всю положительную энергию. Питаются вашими эмоциями. Вы описываете очень расхожие симптомы подпадания под влияние энергетического вампиризма.

– Узнаю кто – уволю, – мрачно изрекает директор фирмы.

Кстати, для директора она весьма молода. Видимо, и фирма у нее такая же – молодая, бесполковая и нестабильная. Много с такой не возьмешь.

Марина, забыв о своей солидной должности, принимается-таки горько рыдать:

– А еще, еще мне вся пища почему-то кажется горькой! Или, наоборот, просто безвкусной! Готовлю себе самые любимые блюда – и потом не могу есть! Испытываю отвращение!

– Еще что? – Мужчина не смотрит на собеседницу.

Он смотрит на то, как колышется лепесток пламени, и думает о том, что женщины в большинстве своем ошеломительно глупы и ненаблюдательны. Даже если эти женщины – директора коммерческих фирм, следователи по особо важным делам и преподаватели высшей математики. Ибо над всеми ними довлеет особенный, сугубо женский страх; страх, не поддающийся рациональному анализу (а откуда быть в женщине рациональности? Женщина – существо иррациональное. Доказано психологами, протестировано на мышах)... Вот поэтому только иррационально скроенная женщина может полагать, что дрожание огонька свечи и утрення

тошнота вкупе с отвращением к пище и работе глубоко взаимосвязаны. Впрочем, женщины всегда были не в ладах с физикой. Что иногда весьма выгодно тем, кто не понаслышке знаком с молекулярно-кинетической теорией. Или спектральным анализом.

Зато женщины всегда были неравнодушны к магии. И магам. Это, можно сказать, вообще слабое место женщин. И потому директор фирмы Марина пришла со своими проблемами не к психотерапевту, не к сексопатологу и не к штатному психологу центра «Второй шанс Афродиты». И из-за этого сейчас сидит в пропитанной ароматом можжевельника комнате, и вместе с мужчиной зачарованно смотрит на прихотливый танец свечного пламени.

– Так что еще с вами происходит? – переспрашивает мужчина.

Пламя свечи при его словах как-то особенно прихотливо изгибается, и это производит на директора фирмы самое пугающее впечатление. Она всерьез заливается слезами, но решается сказать:

– По ночам снится, что меня насилиуют демоны! Я просыпаюсь в ужасе и потом не могу заснуть до утра!

– Что вы говорите! Кошмар какой... И много их?

– Кого?!

– Демонов, разумеется.

На лице заплаканной жертвы насилия видна напряженная работа мысли. Что ж, сосчитать собственных демонов – задача не из легких. Наконец она говорит:

– Когда как.

– И все-таки?

– Не меньше пяти.

– М-да. Это серьезно.

– Вы мне не верите?

– Что вы! Я верю. Это моя специальность – верить. И как же они вас насилиют?

– В смысле?...

– Ну, все разом или по очереди?

Женщина краснеет. Это заметно даже при столь скучном освещении.

– Все разом, – почти шепчет она.

– Это плохо, – глубокомысленно резюмирует мужчина. – Я полагаю, что помимо порчи над линией вашей жизни тяготеет какое-то древнее проклятие. По женской линии. Возможно, когда-то вашу бабку... или прабабку прокляла колдунья, и это проклятие не дает вам спокойно существовать.

– Ой, мамочки! – с неподдельным ужасом лепечет женщина. Впрочем, какая она женщина, хоть и коммерческий директор! Небось просиживала все вечера-ночи за подготовкой контрольных работ по маркетингу, финансам и основам экономической теории, потому не было времени познать иные, более естественные и ценные для жизни науки. И теперь в ее глазах светится страх и восторг девственницы, впервые оказавшейся в темной комнате наедине с незнакомым мужчиной...

– Кстати, – тоном профессора медицины осведомляется мужчина, – как вы определили, что это именно демоны? По какому признаку?

– Они такие черные, с осколенными зубами! – выдает девица и опять заливается краской. – И у них такие огромные, просто жутко огромные... эти...

– Гениталии?

– Да-да. У обычных мужчин таких просто не бывает.

Хм-м. Все-таки она не девушка. Женщина. Коль уже вовсю разбирается в том, что «бывает» у мужчин, а что – нет. Видимо, по ночам изучались не только пресловутые основы экономической теории, но и кое-что другое... Только о каком тогда снятии «венца безбрачия» может идти речь?!

Впрочем, это не важно. Клиент (в данном случае клиентка) всегда прав. И если иско-
мому клиенту позарез требуется снятие порчи, ликвидация «венца безбрачия», «покрыва-
ла вдовы», а заодно и оптимистический прогноз на ближайшие сто лет жизни – будет сделано.
Согласно полученной государственной лицензии, сертификату качества и выданному некой
Школой практической магии диплому (а то, что такие дипломы Школа практической магии
за две тысячи долларов с радостью выдаст хоть навозной мухе, клиенту знать совсем необяза-
тельно. Клиент должен быть уверен в полной компетентности того, к кому обратился и запла-
тил солидные деньги).

Эти не приличествующие случаю мысли бессовестно фланируют в мозгу мужчины, и он даже слегка прикрывает глаза, чтобы клиентка не заметила, что ее проблемы для дипло-
мированного специалиста по прикладной магии – источник непрекращающегося внутреннего
хохота.

Однако внешне мужчина официален и хладнокровен, как следователь. И тоном этого
самого следователя мужчина заявляет несчастной участнице демонических вакханалий:

– Что ж, Марина, диагноз, э-э... случай у вас тяжелый...

– Ах!

– Но не безнадежный. Хотя, сами понимаете, запущенная порча, подозрение на энерге-
тический вампиризм, да к тому же тяжелое семейное проклятие требуют не одного сеанса, м-
м, магической терапии.

– Как?! А я думала, вы сразу...

Мужчина позволяет себе сардническую улыбку. В бледном мерцании свечи улыбка
выглядит почти мефистофельской.

– Сразу, Марина, даже насморк не лечится. Вы что же думаете, магия вроде таблетки
анальгина – выпил и голова уже не болит?! Нет, сударыня. Если вы всерьез хотите избавиться
от иррациональных проблем, портящих вашу судьбу, вам нужно пройти полный курс.

– А это... сколько?

– Не менее девяти сеансов, – веско произносит мужчина. – Сегодня, например, я только
сумел определить наличие у вас порчи и проклятия. При следующей нашей встрече я, использу-
я силу Трех Заклятий, отыщу обратный адрес порчи, так сказать, ее агента, ее источник.
Сами понимаете, такой поиск аналогичен поиску...

– Иголки в стоге сена, – обреченно вздыхает клиентка.

– Нет, – маг ошарашивает бедолагу новым оригинальным пассажем, – поиску иголки –
в коробке с другими иголками. Знаете ли вы, сколько вокруг вас ежедневно ходят людей с
нависшими над ними проклятиями, оговорами, сглазами? Отыскать среди общей массы нега-
тивных флюидов именно тот, что направлен исключительно на вас, и нейтрализовать его – вот
основная задача.

– Никогда бы не подумала... – шепчет женщина, – В нашей просвещенной столице – и
столько колдовства!

Маг скептически усмехается:

– А известно ли вам, что две трети населения такого мегаполиса, как Нью-Йорк, стра-
дают от магического насилия? Причем совершенно не подозревая об этом. Калифорния, по
подсчетам ведущих" магов-специалистов, занимает второе место в списке инфернально окку-
пированных мест мира! Воистину не позавидуешь тому, кто станет губернатором столиц демо-
низированного штата... А в Миннесоте черное оккультное воздействие на мирное население
уже носит характер пандемии. Пандемии, вы только представьте себе! Об этом недавно гово-
рилось на слете практикующих магов...

– Это, конечно, ужасно... Но мне-то что делать?!

– Вам... Однозначно порчу надо будет снимать... это нелегко, при наличии прокля-
тия-то! Но зато сразу после снятия порчи вы почувствуете, как изменится в лучшую сторону

ваша жизнь. Ведь то, что у вас не складываются, как вы говорите, отношения с мужчинами, есть прямое следствие...

– И сколько же это...

– Я уже сказал: не менее девяти сеансов. Обязательно!

– Извините, вы не поняли вопроса. – Марина нервно комкает в руках носовой платочек. – Сколько будет *стоить все это?*!

Поколебавшись, мужчина называет сумму. Жертва порчи едва не падает со стула.

– Это... это просто форменный грабеж! – возмущенным тоном почти вскрикивает она. И это уже тон коммерческого директора, а не зареванной трусихи. – В центре «Третий глаз» в два раза дешевле те же самые услуги!

– В центре «Третий глаз» сидят жулики и неучи, неспособные отличить большой аркан Таро от малого, – холодно бросает мужчина. – И эти жулики обдерут вас как липку, если вы попадете в их грязные лапы. Я беру дорого, да. Но я предлагаю взамен реальную помощь. Безо всяких фокусов, дешевых трюков и шарлатанства, которым забиты рекламные объявления.

– Н-нет, – колеблется Марина. – Для меня это слишком дорого.

– Как вам будет угодно, – сухо произносит мужчина. – Я не смею настаивать. Дар, полученный мной от, хм-м, высших эонов, действует только тогда, когда вы согласитесь на мою помощь добровольно. Безо всякого принуждения. Кстати, на врачей вы истратите гораздо больше. И лекарства нынче дороги...

При этих словах мужчины дрожащее пламя свечи стрелой вытягивается вверх и на глазах у потрясенной клиентки окрашивается в густой багровый цвет.

– Что это?! – сдавленно взвизгивает клиентка. – Почему свеча... так?! И почему вы заговорили про врачей и лекарства?!

– Потому что ваши демоны, энергетические вампиры и глубокая порча доведут вас до клиники. Если их вовремя не остановить. – Теперь мужчина добавил в свой тон некую загробность и потусторонность. – Я ведь здесь не для того, чтобы рассказывать вам сказки.

– Это ужасно! – Клиентка срывается на крик. В глазах ее танцует багровое пламя свечки. – Неужели это всерьез! И в наше время!

– Всерьез. И именно в наше время. Вы стали игрушкой темных сил. Избавить вас от них – в моей власти.

– Хорошо! – решается несчастная. – Согласна, я заплачу сколько нужно. В конце концов, можно кое-что из золота заложить в ломбарде... Ведь здоровье дороже?!

– Именно. Я рад, что вы проявили здравый смысл.

Строго говоря, здравого смысла в этой дамочке не больше, чем в кофемолке. Но польстить женщине – значит перетянуть ее на свою сторону. Здесь даже магии никакой не нужно. Голая психология, больше ничего.

И словно по волшебству, пламя свечи вновь обретает естественный бледно-желтый оттенок.

– Видите? – торжественно указывает на свечу маг, и в тоне его сквозит глубокое удовлетворение.

– Вижу, да... А что это значит?

– Высшие зоны, которые покровительствуют мне в моем служении, согласились взять вас под защиту. Охранять вас от... происков темных субстанций.

К счастью для мужчины, приходящие к нему клиентки все без исключения не знают точного толкования слова «зоны». Именно поэтому мужчине до сих пор везет. А женщины считают его крупным специалистом в области ликвидации «венца безбрачия». И попробуйте их в этом переубедить!..

– Значит, мне больше не будут сниться... они? – с надеждой спрашивает клиентка.

– Ну, для первого сеанса это слишком... Мне еще необходимо провести ритуал рун Уruz и Турисаз...

– Значит, будут?! – У директорши плаксиво дрожит верхняя губа с размазанной помадой.

– Будут. Пока. Только пока! – Мужчина успокаивающе поднимает ладонь. – Однако насиливать они вас больше не посмеют.

– Ф-фу, ну хоть что-то...

– Да, и с каждым сеансом ваши сны будут становиться все более светлыми и невинными.

И явь тоже.

– Спасибо, доктор!

– Ну что вы, какой я доктор... Я просто практикующий маг, больше ничего. Кстати, возьмите. – Практикующий маг протягивает клиентке нечто вроде заплесневелого греческого ореха на шнурочке. – Это амулет, освященный ныне здравствующим далай-ламой. Мне его привезли прямо с Тибета. Надевайте амулет, когда ложитесь спать, и вам будет легко и спокойно. А на работе в каждом углу своего кабинета положите по чесночной головке. Только неочищенной. Это отпугнет энергетических вампиров.

– Хорошо...

– На сегодня это все. Завтра я жду вас в это же время.

– Спасибо! – Клиентка опускает амулет в сумочку и роется в поисках портмоне. – Сколько я вам должна за сегодняшний сеанс?

– Нет-нет! – Мужчина протестующе вскидывает изящные, холеные руки. – Все расчеты – по окончании курса. Я уже начал настраиваться на ментальные флюиды вашей второй тонкой сущности и потому нам не следует засорять трансцендентальный синергетический поток пошлыми финансовыми делами. Ведь деньги – это зло. Неизбежное зло.

– Правда? – удивляется клиентка. Она хочет, видимо, сказать, что отвращение мага к деньгам как к неизбежному злу вовсе не вяжется с той суммой, которую этот самый маг потребовал за свои услуги, но мужчина уже поднялся с кресла и, деликатно поддерживая клиентку под локоток, повел ее к прячущейся в арке тяжелых портьер двери.

– Да пребудет с вами сила! – говорит маг на прощание. – Итак, завтра я вас жду.

– Да-да, – растерянно кивает клиентка.

Дверь за нею захлопывается.

– Ну ты лажанулся, парень! – доносится из душной темноты веселый и явно мужской голос. Не мог ей позаковыристее напутствие брякнуть?! Думаешь, она «Звездные войны» в детстве не смотрела?

– Иди ты... – вяло огрызается маг. – Критик, блин.

Маг принимается раздергивать плотные занавеси на окнах, и оплот оккультизма заливает своим пыльным светом яростное августовское солнце.

– Хоть бы форточки открыл! – Обладатель веселого голоса появляется из кухни, где отсиживался во время официального приема клиентки, – Душно, как у негра в анусе!

– У негра там темно, – автоматически поправляет маг, но окна послушно открывает, потому что и впрямь в маленькой комнатке уже нечем дышать от жары и вездесущего запаха воска.

– Но ты же не станешь утверждать, что там еще и не душно. Ты ведь там не был!

– Неостроумно. Плоско. Банально.

– Кеша, тебе и того не родить.

– Степа, я и не знал, что ты подрабатывала роженицей. Когда ты успел сменить пол, противный шалун?

– Вот за это я у тебя весь «Гиннес» из холодильника сопру, психастеник ты смурной.

– Ну выпей, выпей. Только настоятельно рекомендую сей процесс вести сидя на унитазе, поскольку ты так и не долечил свой подростковый энурез...

– Ах ты, оккультист недобитый! Не трожь мой энурез, жертва проктологической ошибки!

– Сам дурак. Ф-фу, жара такая, что даже ругаться с тобой неохота. Ты заметил, я еще ни разу за истекшие пять минут не употребил слово «...»!

– Это плохой признак. Кеша, ты изможден и истерзан жаждой.

– Кстати, о жажде. Степан, а ведь мучительно хочется пива! Неужели ты, сволочь небритая, и впрямь мой неприкосновенный запас усосал??!

– Кешаня, маг ты мой дипломированный! Разве я мог пойти на такую подлость?! Я ведь знаю твои аристократические замашки: бычок «Беломора» до и бутылку «Жигулевского» после.

– «Гиннеса», Степа, «Гиннеса». Время «Жигулевского» ушло безвозвратно. Моя жизнь становится элитарной. Ноблесс, блин, облиз, как говорят французы.

В ответ на это Степа неприлично громко заржал, двинул мага по шее и поволокся с ним на кухню – пить вожделенное холодненькое пиво из запотевших бутылок и грызть вяленую воблу.

И пока герой (в нашем случае – герой) дует «Гиннес» и треплется о незначительных вещах типа женщин и футбола, пора дать его (в нашем случае – их) портрет и общую характеристику.

Тот, кто сидит у раскрытоого окна и приканчивает третью бутылку пива, официально именуется Степаном Водоглазовым. Еще в школьные благословенные годы к нему припаялась кличка Выдрин Глаз. Однако в последнее время друзья и просто хорошие знакомые зовут Степана не иначе как Гремлином. Хотя на гремлина костлявый, белобрысый и страдающий астигматизмом Степан вовсе не похож. Тут дело вот в чем. Со временем окончания режиссерского отделения Орловского института культуры Степан не захотел трудиться во славу провинциальной Мельпомены, а рванул в Москву, где, повинувшись неодолимой тяге к разнообразию, принялся менять профессии и жен, причем смена профессий и жены происходила практически одновременно.

Сначала Степан работал крупье в одном из столичных казино-варьете, и почетные обязанности его супруги несла самая длинноногая девица из кордебалета этого самого казино. Когда казино прикрыли, девица ушла от Степана и из кордебалета к торговцу халвой из солнечного Бишкека. Степан же, не теряя веры в свое светлое будущее, последовательно сменил следующие специальности: распространителя китайских пищевых добавок для похудения (здесь худощавость была в его пользу: Степан уверял всех потенциальных покупательниц, что раньше страдал ожирением и лишь употребление чудодейственного эликсира «Жуй Мень Ше» превратило его в аналог дерева под названием кипарис), помощника директора в фирме по торговле подержанными иномарками (на самом деле фирма торговала чем угодно, кроме иномарок, но Степан узнал об этом лишь тогда, когда в фирму пришла налоговая полиция), мастера-технолога в цехе подпольного производства фальшивых тульских пряников (цех, по роковому стечению обстоятельств, тоже просуществовал недолго). За это время Степан сменил трех жен. Следующая супруга, с которой неунывающий бывший режиссер познакомился прямо на эскалаторе станции метро «Новокузнецкая», ввела его в священный мир книгоиздательской деятельности, поскольку являлась иллюстратором романов серии «Сладострастье». Так как издательство под незатейливым названием «Счастье и семья» специализировалось на выпуске книг для обделенных радостями экзотической эротики женщин, Степан принялся ваять любовные романы под псевдонимом Клелия Куннилингус. Романы пользовались успехом до того момента, как в издательство явились представители общества охраны животных и потребовали немедленного запрета на публикацию произведений злополучной «Клелии». А все из-за того, что Степан в своем очередном шедевре весьма натуралистично изобразил акт орального секса с сукой питбультерьера.

Писательство пришлось бросить, жена ушла сама. Но Степан верил своей прихотливой звезде пленительного счастья. Эта звезда и направила стопы Степана в компанию подобных ему хохмачей и юмористов-цинико-виков. Компания делала новые переводы к давно известным и любимым народом блокбастерам типа «Чужих» или «Терминатора». В этих переводах черный юмор затейливо переплетался с такими перлами ненормативной лексики, что Степан просто пришел в восторг. С тех пор под псевдонимом Гремлин он переозвучил такие фильмы, как «Криминальное чтиво», «Миссия невыполнима», «Леон», «Близкие контакты третьего рода» и «Запах женщины». Диски и кассеты с его переводом расходились на «ура», а Степан навсегда превратился в Гремлина. Правда, на горизонте не маячило пока никакой будущей жены, но это его не беспокоило. Тем более что к другу на прием приходили такие женщины – закачаешься!..

Друг – Викентий Вересаев – в отличие от Степана до последнего времени вел отнюдь не бурную жизнь. Не хватающий звезд с небес Викентий после окончания медицинского института десять с лишком лет тянул трудовую лямку подросткового психиатра в заштатной поликлинике на окраине Москвы. Скудость зарплаты и своеобразие профессии действовали на знакомых Викентию дам отталкивающе, в связи с чем к тридцати годам он отлично вписался в образ закоренелого холостяка и женоненавистника. Викентий из сугубо аскетического упрямства делил свое ложе не с женщинами, а исключительно с книгами типа «Фармакодинамика рекуррентной шизофрении», досуг коротал не в бильярдных залах и казино, а за чтением популярной эзотерической литературы, лечебно голодал, взял пару уроков хатха-йоги И даже не предполагал, что судьбе будет угодно сделать из него мага.

Судьба свела Степана-Гремлина и психиатра Викентия Вересаева и сделала их закадычными друзьями самым неожиданным и даже жутким образом. Они ехали в одном троллейбусе и не помышляли о знакомстве до того момента, как в злополучный троллейбус ворвались вооруженные люди в грязном камуфляже и с колготками на головах. Коверкая слова, люди прокричали, что троллейбус захвачен террористами группировки «Шайтан-моджахед», и потребовали от водителя ехать прямиком до Кандагара. И тут из оцепеневшей от ужаса толпы пассажиров перед террористами хладнокровно встали Степан Водоглазов и Викентий Вересаев. Степан принял участие в убийстве террористов таким количеством малоизвестных анекдотов про Штирлица, что те (в смысле «шайтан-моджахеды») в конце концов просто обессилены от смеха и, потеряв всю свою священную ярость, беспощадность и непреклонность, без боя сдались подоспевшим к троллейбусу омоновцам, которых оперативно вызвал Викентий по мобильнику, одолженному у кого-то из пассажиров (не подумайте плохого, Викентий, разумеется, вернул мобильник хозяину). Когда террористов повязали и троллейбус продолжил свой путь, Викентий подсел к Степану и сказал:

- Я горжусь, что еду в одном троллейбусе с таким мужественным человеком!
- Да ладно... – сияя от гордости, махнул рукой Степан. – Ты сам тоже находчивый, как я погляжу. Куда звонить, сечешь на раз. Откуда ценный телефончик знаешь?
- Я как-то лечил дочку одного полковника от вялотекущего астено-депрессивного синдрома... Тот и дал мне свои координаты. На всякий случай.
- Значит, ты доктор?
- Доктор.
- Круто. А я, в общем, звукооператор. Можно так сказать...
- А вот я общественный контролер, – неожиданно сунулась к Степану и Викентию суро-вого вида дама с пластиковым бейджем на лацкане засаленного пиджака. – Предъявите ваши проездные документы, молодые люди!

Как оказалось, молодые люди, спасители троллейбуса и борцы с терроризмом, были единственными безбилетными пассажирами. И это скрепило их начинающуюся дружбу прочнее всякого цемента.

Конечно, можно возмутиться той обыденностью, тем заезженным штампом, коим является событие, познакомившее двух друзей. Но что ж поделать! Да, познакомились они в троллейбусе, а не на слете уфологов или на матче по кровавому кумите! Но тут уж, извините, судьба вмешалась. А не утомленная вечными поисками чего-то оригинального и нетривиального авторская фантазия.

С той поры прошло немногим больше двух лет. Гремлин-Степан продолжал с особым цинизмом озвучивать западные блокбастеры, Викентий томился в поликлинике, борясь с детскими энурезами, подростковыми неврозами, психозами и онейроидными помрачениями сознания, возникающими у детишек на почве перебарщивания с употреблением клея «Момент-1», как вдруг все изменилось. Однажды Степан, вечно сующий свой худой хрящеватый нос куда попало, узнал об открытии Школы практической магии и, горя желанием устроить другу счастливую жизнь, буквально приволок упирающегося и отнекивающегося Викентия в эту Школу.

– На фига?! – возмущался Викентий.

– Нормально, – категорическим тоном заявлял Степан. – Тебе давно пора сменить профессию.

– У меня таких денег нет, чтобы платить за эти идиотские курсы!

– Деньги – не проблема. Вася Царицынский – давний поклонник «Властелина Колец» в моем переводе. А ты знаешь, кто такой Вася Царицынский?...

– Авторитет?

– Ну. Он мне любые бабки даст. Засыплет баксами по самое не хочу.

Психиатр Викентий проницательно посмотрел на друга:

– У тебя явные признаки синдрома сверхценных идей. Или синдрома Кандинского-Клембамбо. Это бывает. Перенапрягся на работе. Можно сказать, сгорел. Надо бы тебе метилпромазину подавать, в сиропе. Или на кусочке сахара.

– Иди ты, м-медик! Я с ним серьезно говорю, а он...

– И я серьезно. Подо что ты бабки просить собрался? Под магию? Это ж несерьезный бизнес! Твой Вася тебя пошлет, и будет прав.

– Не пошлет.

– Ладно, допустим. Но ведь бабки-то потом отдавать надо будет. И с процентами. Ты считаешь, я много заработаю на снятии порчи и лечении алкоголизма по фото?

– Соглашайся, Кешаня, – задушевно прогнулся искусиатель Гремлин. – В пабе с мужским стриптизом ты вообще ничего не заработаешь.

– Кто тебе сказал, что я собираюсь в стриптизеры?!

– Не собираешься? Вот и лады. Будешь у нас магом. Сбацаем мы тебе оккультные корочки самого высшего разряда!

– Да я не верю ни в какую магию! Это же сплошное шарлатанство!

– А зачем тебе-то верить? Верить будут твои клиенты.

– У меня не будет никаких клиентов! Из меня маг, как из тебя чемпион по бодибилдингу!

И я не собираюсь заниматься снятием порчи и наведением приворота! Честное слово!!!

Как показало время, Викентий слова не сдержал.

И ничуть не жалел об этом.

Авантюрист Степан после получения Викентием диплома практикующего мага устроил грандиозную вечеринку, в которой самым невинным событием было появление абсолютно нагой девицы из недр картонного торта. И не успело еще из голов новоявленного мага и его друга выветриться тяжелое похмелье, как они, эти самые хмельные головы сочинили следующее объявление:

«Реальная магическая помощь! Потомственный маг и ясновидец Викентий снимает негативные воздействия, возвращает удачу в любви и бизнесе, корректирует Ваше настояще...

щее и будущее. Легко: приворот-отворот, снятие порчи, сглаза, родового проклятия, «венца безбрачия» и алкогольной зависимости по фото. Работа со сложными случаями до положительного результата. Точные сроки! Гарантия! Опыт!»

К объявлению прилагался телефон.

Первый клиент, точнее клиентка появилась почти сразу после публикации объявления. Викентий, заглушая укоры совести, погадал клиентке на картах и заодно снял родовое проклятие, после чего к клиентке совершенно неожиданно вернулся горячо любимый супруг. На радостях благодарная дама оделила начидающего мага суммой, вдвое превышающей его годовой врачебный оклад.

Викентий посоветовался с Гремлином и уволился из поликлиники.

Гремлин опять устроил вечеринку (из тортика вылезали уже две нагие девицы, а третья нагая девица исполняла на столе замысловатый танец с полуодхлым питоном) и предсказал Викентию великое будущее.

Предсказание сбылось.

Практикующий дипломированный маг и ясновидец Викентий Вересаев стал крайне популярен, несмотря на то что в целом по Москве дипломированных и не имеющих диплома магов, колдунов, ворожей, гадалок и предсказательниц будущего было больше, чем слесарей по ремонту подвижного состава Московского метрополитена. Гремлин объяснял популярность друга его неординарной внешностью и потрясающим талантом делать многозначительные паузы в диалогах с клиентками. На последних это производило неизгладимое впечатление. А так как благосклонная судьба приводила на порог жилища Викентия в основном весьма состоятельных посетительниц, магу в скором времени пришлось решить две проблемы. Первая – приобрести жилище, отвечающее его статусу, а вторая – нейтрализовать налоговую полицию и местных рэкетиров, весьма неровно дышавших по отношению к уровню доходов бывшего психиатра.

Квартиру Викентий приобрел легко. Это было, по насмешливому замечанию Гремлина, первым здравым подтверждением несомненных магических способностей Вересаева. Когда же докучающие магу рэкетиры и даже налоговая полиция ни с того ни с сего исчезли с горизонта событий, Степан сменил насмешку на тихое уважение и изрек сакримальную фразу:

– Кеша, похоже на то, что магия верит в тебя, хотя ты в нее и не веришь.

Викентий в ответ только загадочно улыбнулся и принялся за изучение фундаментального исследования профессора В. Н. Премудровой-Кутежанской «Интеграция оккультных и фольклорных клише в аксиологическую структуру сознания». Раньше таких исследований Викентий Вересаев ни при какой погоде не читал. Но он здорово изменил свою «аксиологическую структуру» с тех пор, как заделался магом.

Кстати, Вася Царицынский, некогда ссудивший будущего мага деньгами на обучение, про давний долг забыл и разговоры о нем считал оскорблением своей широкой бандитской натуры. Тем более что Викентий по просьбе царицынского авторитета совершил ритуал крепкого оговора всех Васиных соперников по бизнесу, и это на удивление хорошо сработало.

Итак, заделавшись магом, Викентий сменил имидж. Он отлично понимал, что мужчина в эффектном костюме от Феретти вызовет у богатой клиентки куда больше доверия, нежели небритый тип в засаленной у ворота толстовке и истертых до белизны «левайсах». Квартиру тоже пришлось оформить соответственно. В гостиной, где шел прием посетительниц, на стенах золотой краской по черным обоям нарисованы были древние печати служебных духов (рисовал, сверяясь с каким-то оккультным справочником, Степан-Гремлин. Поэтому Викентий не был уверен, что эти каракули – именно то, что нужно. Но главное, каракули производили впечатление на публику). В углах на маленьких лакированных столиках стояли семисвечники с алыми и черными свечами (для белой и черной магии, по желанию заказчика). В центре на большом столе торжественно располагалась хрустальная сфера магического кристалла, окру-

женная изящными бронзовыми шкатулочками с чародейными травами (на самом деле травы были самые обыкновенные, но опять-таки их аромат настраивал посетителей на мысли о потустороннем). Колоды карт, обычных и Таро, покоились в специальных мешочках из черного бархата; зеркала для гадания задернуты тафтой... Одним словом, все, что нужно для оккультного блага человека!

* * *

Августовский вечер сменил гнев на милость, и в форточки повеяло свежим ветром, совершенно нехарактерным для распаренной и душной Москвы. Степан с явным удовольствием прикончил очередную бутылочку «Гиннеса» и задумчиво принял разглядывать утомленного своим магическим могуществом Викентия.

– Слыши, Кешаня, – неожиданно спросил он, – а как тебе удается этот трюк со свечкой? В смысле, когда пламя меняет окраску?...

– Легко, – отмахнулся недогладанной воблой маг и прорицатель. – Эти свечки продают в одном магазинчике разных приколов типа пластмассовых черепов и масок вампиров. В свечках фитиль каким-то специальным красителем пропитан, надо только рассчитать время, когда спецэффект сработает.

– Сработало здорово. Во всяком случае, на солидные бабки ты клиентку раскрутил. Не стыдно пудрить мозги бедной женщине?

– Степа-а! Не ты ли, гнусный совратитель порядочных психиатров, первым подал мне эту грязную идею? Не ты ли сейчас сидишь и бессовестно дуешь пиво на халаву? А между прочим, это пиво куплено на заработанные мною денежки!

– Все. Молчу. А то, чего доброго, напустишь порчу на меня бедного и беззащитного.

– Да уж, ты беззащитный, – хмыкнул Викентий.

– О, кстати! – вскинулся Гремлин. – Счас новый анекдот расскажу...

Но анекдоту не суждено было прозвучать. Потому что в кармане Гремлиновых штанов противно заверещал мобильник.

Гремлин ругнулся и достал трубку.

– Ну? – требовательно рыкнул он, делая свирепое лицо.

Викентий вальяжно расположился напротив друга и приготовился к предстоящей сцене. Просто он знал, что если выражение лица Степана-Гремлина можно охарактеризовать как крайне свирепое, то быть представлению. Театру одного актера.

И Степан не разочаровал приятеля в его ожидании. Это поистине был один из звездных часов его актерского мастерства.

– Не допираю, корешок, – загнусавил Степан в трубку. – И слушаю, и не врубаюсь! Я че тебе, лапши мешок? Я, блин, понтами не кидаюсь!.. Я лох?! Я, значит, вам уже не босс?! Спешил, летел, пыхтел, себе мозги запарил... А вам, блин, нужен экстремальный парень! Вин Дизель, типа. Это не вопрос. Но, кореша, какой же это факт! Какой это отстойный сдвиг формата! Без моего классического мата вам не озвучить даже Шапокляк! И как подумать, кто у вас в тузах! Сплошное чмо без голоса и пара. Озвучка без фильтрации базара есть неизбежный и законный крах! Че говоришь, мне башню сорвало? Не катит, типа, быть звездой эфира? Щенок! Не отрывайся от кефира и думать позабудь про дядино бухло! А потому заткнись и запиши: я вам не евро, чтоб гулять по свету. Со мной связался – сядешь на шиши. Карету мне, карету, блин, карету!..

Викентий хотел было изобразить aplодисменты, но Степан предупредительно поднял палец. В Гремлиновой трубке что-то пискнуло, защепелявило, и Степан уже обыкновенным голосом буднично поинтересовался:

– Записать успели? От придурики... – И отключил трубку.

– Что ты сейчас тут выдавал в эфир? – Викентий кое-как приходил в себя после продолжительного внутреннего хохота.

– Монолог Чацкого, – хмуро ответил Степан.

– Да ты что!..

– А че такого. Просто переозвучиваем запись старого спектакля. Только с этим монологом все время какая-то ботва получается: то не технично, то не смешно. Вот сейчас как было?

Викентий пожал плечами:

– Я не специалист. Но вообще-то некоторый процент здорового детского юмора ощущается.

Степан вздохнул.

– Лабуда это, Кешаня. Сам понимаю. Поеду-ка я в студию и серьезно займусь этим вопросом. Тем более кажется, мои кореша не успели записать все, что я им в трубку наговорил.

– А это был экспромт?

– У меня вся жизнь – сплошной экспромт. Все, карету мне, карету!

– Давай, вали. – Маг ободряюще хлопнул Гремлина по плечу. – Все у тебя получится. Фильмы переозвучивать – не порчу снимать.

– Как сказать! – Гремлин протопал в коридор. – Вот надоест мне хохмить без передыху – открою салон восточной магии. С ассистентками топлесс и в прозрачных шальварах. Куплю себе тюрбан-кальян и буду гадать, духов вызывать, все волшебные услуги оказывать, вах!

– Конкурент, значит, будешь, – хохотнул Викентий.

– Не боись! Дураков и на твою и на мою долю хватит! Москва – город большой. А если еще население пригородов посчитать…

– Блестящая перспектива, – вяло кивнул головой Викентий. Все-таки он устал. Да и духота вкупе с пивом сделали свое дело. Викентий подумал, что лучшее времяпрепровождение сейчас – на балконе, в старом продавленном кресле, перед монитором такого старенького компьютера, что на нем только в тетрис можно играть. Зато так Викентию лучше всего отдыхается…

Но едва за Гремлином захлопнулась дверь, Викентий вместо вялости и расслабленности внезапно ощутил приступ странного, колючего страха. Такой страх бывает в детстве: когда боишься спать в темноте, боишься пауков с длинными тонкими ножками и хуже смерти боишься парикмахеров и стоматологов… Холодный пот тонкой струйкой зазмеился по позвоночнику, несмотря на духоту комнат, а сердце принялось стучать с такой скоростью, что стоило принять анаприлин. Пару таблеток.

Чтобы прогнать глупый и недостойный взрослого мужчины страх, Викентий прошел в комнату, служившую ему спальней. Включил телевизор (шла очередная реклама средств женской интимной гигиены), плюхнулся на тахту. И тут заметил на тумбочке потерпевшую кожаную барсетку Степана, с которой тот не расставался даже тогда, когда шел в сортир.

«Сейчас вспомнит и вернется, – лениво подумал дипломированный маг. – Он за это барахло удавится».

И Викентий ничуть не удивился, когда по прихожей длинной требовательной трелью раскатился звонок.

Маг подхватил барсетку и с заготовленной фразой «Что, вспомнил про свои сокровища?» прошел в прихожую, свято уверенный, что, открыв дверь, увидит своего малахольного приятеля.

Но это был не Степан.

И вообще не мужчина.

Девушка, с первого взгляда поразившая зрительные рецепторы прорицателя так, что он даже слегка ослеп от этакой убийственной красоты, стояла в дверном проеме и распространя-

няла вокруг себя сексуальные флюиды такой мощи, что со стен лестничной площадки начала сыпаться штукатурка.

– Э-э... – протянул Викентий, случайно вспомнив о том, что он уже умеет говорить. – В-вы ко... мне?!

– Вы Викентий Вересаев? – холодным тоном осведомилась «термоядерная» девушка.

– Да.

– Дипломированный маг?

– В каком-то смысле... Да.

– Мне нужна ваша помощь.

Штукатурка перестала сыпаться. Викентий сглотнул и пришел в себя. С чего он взял, что эта девушка похожа на вспышку молнии? Девушка как девушка. К тому же клиентка. А следовательно, такая же дура, как и остальные. И нечего разводить с нею церемонии.

– На сегодня у меня прием закончен, – хмуро выдал Викентий и вспомнил про Степанову барсетку, которую сжимал в руке. – Приходите завтра.

– Мне нужна ваша помощь, – не меняя интонации, повторила девушка. – Сегодня.

И в грудь дипломированного мага почти уперся угольно-черный пистолетный ствол.

«Откуда она его достала? Ведь она не сделала ни одного движения! – как-то отвлеченно удивился маг. И еще, совсем уж запредельные пошли у Викентия мысли: – Кажется, это наган... Старый очень, еще дореволюционный, мушка некруглая. Странно. Откуда она выкопала такой раритет, еще и стрелять из него собирается. В меня. Хотя я предпочел бы, чтоб женщина, стреляющая в меня, делала это из кольта. Из «Леди Смит», к примеру. Стильно получилось бы. Театрально».

– У меня нет другого выхода, – терпеливо и спокойно, как маленькому, объяснила впавшему в ступор магу девушка. – Или вы мне поможете, или я вас убью.

Что должен делать настоящий джентльмен, если дама просит его о помощи? Да еще угрожая при этом далеко не игрушечным оружием...

Все настоящие джентльмены делают это.

И Викентий широким жестом распахнул дверь:

– Прошу!

И свершилось: прекрасная, но грозная посетительница переступила порог скромного жилища дипломированного мага. Сам маг ошарашенно поплелся следом. Хорошо хоть дверь догадался закрыть.

И он, конечно же, не мог видеть, как в этот самый момент на столе возле магического кристалла сама собой вспыхнула или даже взорвалась свеча, оставив после себя лужицу кипящего стеарина.

* * *

Есть разные виды смелости.

Это всем известно.

Но не все знают о смелости, которая заставляет, нет, даже не заставляет, а просто призывает совершить то, чего до настоящего момента ты в жизни никогда не совершил. И люди раскидывают многотонные завалы, спасая близких, и звери жертвуют жизнью, преграждая путь какому-нибудь маньяку... Или – прыгают в полыхающие огнем цирковые кольца под свист хлыста, хотя такие поступки животным все-таки не свойственны.

Точно так же несвойственно змее покидать насиженное место, не добивать ужас пойманную добычу и мигрировать туда, где, следуя своим вековым рефлексам и инстинктам, она никогда не станет жить.

Но змеям пришлоось стать смелыми.

Смелостью обреченных, даже не знающих, дойдут ли они до конца пути.

Смелостью верующих, у которых есть только вера в то, что Глас Призывающего не ошибается.

Впрочем, змеи не забивали свои головы подобными высокими мыслями.

Они просто ползли.

А что им еще оставалось делать?

Пока...

* * *

Она плакала, как плачут, наверное, маленькие дети: с горестными всхлипами и обиженным подыванием. Дивные плечи содрогались от поистине Ниагарского водопада рыданий. Грозный наган небрежно валялся посреди стола, и на него тоже капали крупные слезы.

– Перестаньте вы реветь! – Не вынес этого зрелища Викентий и хлопнул ладонью по столу. – У вас сейчас антикварное оружие от слез заржавеет! Вы зачем сюда явились, истерики закатывать?!

Вооруженная посетительница пристыженно глянула на мага-дипломанта сквозь пропитанные слезами ресницы.

– Я больше не могу так жить! – патетически воскликнула она. – Мне кажется, я медленно схожу с ума от всего, что со мной происходит!..

Викентий вздохнул, подошел к комоду, вынул оттуда упаковку одноразовых носовых платков и протянул девушке:

– Приведите себя в порядок. У вас тушь размазалась.

– Как?! – немедленно прекратила рыдания девица и выхватила из сумочки зеркальце (в золотой, между прочим, оправе). – У меня же водостойкая, французская!

Тушь действительно не размазалась. Но надо же было Викентию хоть как-то направить эмоции странной посетительницы в конструктивное русло! А любой мало-мальский знаток женской психологии отлично представляет, что женщина забудет обо всех проблемах, ежели сказать ей, что у нее потекла тушь. Или тональный крем выпачкал воротничок белой блузки.

Девушка придирчиво исследовала свою зареванную физиономию и возмутилась:

– Вы почему мне врете? Ничего у меня не размазалось!

Викентий извлек из обширного арсенала своих психиатрических улыбок самую мирную, успокаивающую и располагающую к доверительному общению.

– Итак, – вальяжно начал он, добавляя в свой баритон томной бархатистости, – какие проблемы мешают спокойно жить столь очаровательной девушке?

Тут Викентий не кривил душой. Посетительница и впрямь была созданием редкостной красоты. Не обремененные какой-нибудь замысловатой прической волосы оттенка «золотой орех» крупными кольцами спускались чуть не до колен. Сами же колени, хоть и обтянутые крепдешиновыми брючками, казалось, созданы были исключительно для того, чтобы пускать мужскую фантазию в самый смелый эротический полет. Это относилось и ко всей фигуре в целом, хотя одета девица была отнюдь не фривольно, скорее наоборот. Строгий летний брючный костюм из темно-лилового крепдешина словно предупреждал о том, что его носительница не позволит никаких инсинуаций и пошлых намеков на красоту бюста, плавные линии бедер и прочие тривиальные сравнения вроде лебединой шеи и осиной талии. Казалось, что сама девушка к бремени своей уникальной красоты относится с глубоким пренебрежением.

Викентий вздохнул. Не везло ему с девушками. С клиентками, поклонницами его оккультного таланта – да, а вот с девушками... Или хотя бы с одной... И он снова вздохнул. И ощутил, как от сидящей напротив него красавицы исходит едва уловимый, но стойкий аромат, который хотелось назвать ароматом золота. Ароматом роскоши, неги и того пленитель-

ного мира, куда Викентию путь пожизненно закрыт. В этом мире женщины пьют маленькими глоточками кофе по-венски и коньяк «Камю», вместо колготок носят шелковые чулки с ажурными подвязками и при этом не пренебрегают легендарным покроем костюмов и платья а-ля Марлен Дитрих. И таких женщин принято называть Голубыми Ангелами...

— Какие у вас духи? — неожиданно сорвался у Викентия вопрос, возвращая дипломированного мага из мира пахитосок, кружевных подвязок и шиншилловых ротонд на грешную землю.

— «24, Фабор», — чуть удивившись вопросу, ответила девушка.

— Хороший аромат.

— Да, особенно если учесть, что за него пришлось выложить что-то около...

Викентий удивился такому резкому переводу элегантной беседы на прозаические рельсы. Он-то всего лишь хотел сделать изящный комплимент. Но его клиентка явно не носила подвязок и не пила кофе по-венски. И изящество в ней не было привито поколениями чистокровных герцогинь и фрейлин — привилось случайно, как благородную лозу прививают на дичок. Потому комплимент прошел даром, Викентий насупился, и, старательно игнорируя витавший вокруг аромат духов, принял деловитый вид.

— Итак, — сурово сказал он, не давая жасмину и флердоранжу окутать его неподходящей случаю истомой. — Ваши требования?

Теперь, когда она прекратила рыдать, легким вздохом давая знать, что готова к нормальному, не истерическому общению, Викентий поразился, как неуловимо меняется ее лицо. Когда девушка стояла на пороге с наганом в руке, в нем царили холод, равнодушие и отчужденность. Во время длительной истерики это лицо потеряло отточенность, превратилось в детское и трогательно-беспомощное. И вот сейчас на дипломированного мага спокойно и в то же время как-то пронзительно смотрели светло-серые, почти серебряные глаза с лица, которое почему-то хотелось назвать эльфийским. Хотя, разумеется, Викентий Вересаев прекрасно знал, что эльфы если и существуют в реальной Москве, то место им в Нескучном вместе с хоббитами, а выглядят они еще хуже, чем древние хиппи. Нет, ну какая из нее эльфийка!.. Вот содержанка какого-нибудь олигарха — это похоже на правду. Красивые женщины не делят ложе с парвеною типа Викентия. Они становятся неотъемлемой привилегией сильных мира сего: как элитная одежда, дорогие машины и фешенебельные клубы. Как однажды сказал Гремлин, богачи завоевывают себе красоток для улучшения породы, чтобы дети не рождались с бычьими шеями и растопыренными пальцами...

Ч-черт, как отвлекают эти духи! Прямо-таки уводят в мир каких-то ненужных размышлений! Викентий заставил себя сосредоточиться.

— Я слушаю вас, — напомнил он клиентке.

Девица скомкала бумажные носовые платочки и сунула их в медную чашу, которую Викентий обычно использовал для ритуалов снятия родового проклятия.

— Мне начать с главного? — глуховатым, но очень музыкальным голосом спросила она. — Или по порядку?

— С главного.

— Хорошо. Моей жизни угрожает опасность.

— Какая именно?

Девушка вздохнула:

— Лучше я расскажу все по порядку. Кстати, я забыла представиться. Меня зовут Надежда.

— Очень приятно. Имя Надежда в номинаторном гороскопе означает...

— Это не важно, — отмахнулась девушка. — Выслушайте меня!

— Я весь внимание.

* * *

Клиенты и клиентки у мага-психиатра Викентия Вересаева за его врачебную и колдовскую практику случались разные. Один пациент с выраженным диагнозом циклотемической депрессии около года присыпал Викентию по почте тетрадки со своими стихами, уверяя, что он, то бишь автор посланий – реинкарнация Гомера и Марины Цветаевой в одном лице. Стихи, правда, были такие, что Викентий, грешным делом, подумывал раздобыть для несчастного гения строфантин и усыпить, чтоб не мучился. Позднее (когда Викентий уже был популярным и высокооплачиваемым магом) его терзала ежедневными визитами и затяжными рассказами безутешная вдова одного крупного чиновника. Женщина требовала, чтобы Викентий вызвал дух ее высокопоставленного мужа и позволил этому духу воспользоваться телом мага как донором-носителем для того, дабы вдова смогла забеременеть от уже покойного, но страстно любимого супруга. В конце концов вдова надоела Викентию так, что он мастерски инсценировал вселение в себя души покойного, после чего ничтоже сумняшееся выполнил второй пункт просьбы клиентки. Через пару месяцев та прислала ему чек на солидную сумму и коротенько сообщение о том, что ее беременность от покойного супруга протекает нормально и без осложнений. Еще были клиенты, которых мучил полтерgeist, инопланетяне-каннибалы, тещивампиры и злокозненные соседки, сыплющие добрым людям под порог жилья кладбищенскую землю. А ведь всякому известно, к каким фатальным последствиям приводит насыпанная перед вашей дверью эта самая земля… Бывал также на приеме у Викентия и тип, убежденный в том, что его жена – ведьма… Повинуясь своей уверенности, тип привязал жену к помелу (вроде тех, какими дворники метут улицы) и столкнул несчастную с балкона девятого этажа со словами: «Если ведьма – полетишь!» В дальнейшем типу, помешанному на ведьмовской природе своей жены, пришлось иметь дело с людьми, скептически относящимися ко всему паранормальному. Новоявленный охотник на ведьм получил восемнадцать лет строгого режима и с зоны писал Викентию обширные слезливые письма, в коих уверял, что вовсе не хотел такого поворота событий, хотя Викентий-то уж вовсе был ни при чем! Не он же рекомендовал психу все гипотезы проверять опытным путем…

Словом, публику перед собой Викентий видел разную и уже приучил себя ничему не удивляться. Но сейчас перед ним сидела ослепительно красивая девушка по имени Надежда, ласково-рассеянно поглаживала хрупкими пальчиками грозный ствол старого нагана и рассказывала такое, отчего в принципе хладнокровному бывшему психиатру становилось слегка не по себе.

* * *

Хотя биографическое повествование Надежда начала издалека и поначалу в нем начисто отсутствовали какие-либо элементы триллера.

– Вообще-то я практически коренная москвичка, – отрешенным голосом вещала красавица. – У нас была элитная по тем временам семья: офицеры и высший генералитет. Мой прадедушка был конником в отряде самого Буденного еще до создания Первой конной. Дед пошел по его стопам…

– В смысле?!

– Стал военным, дослужился до генерала танковых войск. А бабушка, окончив одновременно с университетом аэроклуб, в Великую Отечественную командовала женской эскадрильейочных бомбардировщиков. Кстати, этот наган – именной, его вручил моей бабушке за храбрость сам Сталин.

– Ого! – Викентий рассматривал причудливую золотую вязь, покрывавшую вороненый ствол древнего револьвера.

– Да, вот так-то! А вы испугались, когда я на вас его наставила?

– Очень, – серьезно сказал он. – Как не испугаться за судьбу столь ценной исторической вещи?! Ее место в музее, а не в дамской сумочке...

– Это уж мне решать. Ой, извините, конечно... Характер у меня не сахарный, понимаю, но это все из-за переживаний. Из-за этих ужасов!

– Вы глотните водички и рассказывайте. Дальше. Про родителей расскажите, коль тему дедушки и бабушки мы уже обсудили.

– Х-хорошо. Сразу после войны родилась моя мать. Старики расстроились – дед очень хотел мальчика, чтоб отдать его в Суворовское либо Нахимовское училище. Поэтому мама сделалась нелюбимым ребенком. А когда выросла, вообще пошла поперек воли родителей... Пожалуйста, выслушайте все это! Это важно! Говорят, иногда негативное влияние на жизнь человека оказывают тени его предков!

– И вы полагаете, что вам с того света угрожает дедушка-генерал? Только не плачьте! Я вас слушаю внимательнейшим образом. Так чем ваша мать не угодила своим героическим родителям?

– Она вышла замуж. Но не за того парня, которого ей прочили в женихи. На танцах она познакомилась с моим... будущим отцом.

– ...А он оказался простым рабочим, – протянул в пространство Викентий. Эта история представлялась ему старой как мир.

– Да, токарем. И к тому же немосквичом, жившим в рабочем общежитии. Они с мамой тайно поженились, а когда явились перед очи дедушки и бабушки, тех хватил удар. Моим родителям пришлось уехать из Москвы на родину отца, в деревню Кирзачи...

– Оригинальное название.

– Этой деревни даже на карте нет, – мрачно хмыкнула Надежда. – А я там, между прочим, родилась.

– Безобразие какое! – попытался разрядить обстановку Викентий. – Но я думаю, население Кирзачей скоро осознает свою роковую ошибку и установит возле сельмага ваш памятник.

Девушка этих потуг остроумия не оценила и глянула на дипломированного мага так, что тот почувствовал, будто его крепко держат за шиворот.

– Я могу продолжать? – Надежда чуть поджалла свои безупречно очерченные губы, покрытые темно-розовой помадой.

– Да-да... Извините, я глупо пошутил, – смешался маг.

Позднее, анализируя их первую встречу, Викентий поражался тому, как легко он пошел на поводу у этой красотки. Уже не он – практикующий чародей и прирожденный знаток человеческих душ – направлял беседу в нужное русло. И парадом тоже командовал не он.

Всем завладела Надежда.

И это было только начало.

– Когда бабушка узнала о моем рождении, она потребовала у матери, чтобы та, едва мне исполнится пять лет, отправила меня в Москву, где я получу все: достойное общество, достойное образование и достойное наследство. Мама согласилась. Их любовь с отцом давно сошла на нет, он пил, а однажды с похмелья попал в патрон собственного станка. Ему переломало ребра, легкие порвало... В общем, мне исполнилось четыре года, когда отец умер. Мать год промаялась со мной, а потом нашла себе приятеля, собралась за него замуж. Только приятель поставил условие: меня в интернат. Тут-то и вмешалась бабушка. Она забрала меня в Москву, и с тех пор бабушка и дед – вся моя семья. О судьбе матери я ничего не знаю, да и не хочу знать. Дед умер десять лет назад, а бабушка... Бабушка сделала меня такой, какая я есть сейчас.

– Я готов устроить вашей бабушке овацию, – совершенно искренне сказал Викентий. – Может, она вас и из нагана стрелять научила?

– Я справлюсь с любым огнестрельным оружием, начиная с «беретты» и заканчивая гранатометом, – холодно отрезала генеральская внучка. – Но к нашему делу это не относится.

– Почему же тогда вы обратились ко мне за помощью?!

– Тех, кто угрожает моей жизни, гранатометом не напугаешь. Их даже водородная бомба не возьмет.

Красивое лицо Надежды словно окаменело: то ли от ненависти... То ли от страха.

– Вы говорите, говорите, – заторопил ее Викентий. – Вам нужно выговориться, станет легче. А хотите, я чаю вам налью?

– Лучше текилы.

– Вот с текилой у меня как-то...

– А вермут есть?

– Минуточку...

Таинственная генеральская внучка выпила бокал вермута, как воду, и взгляд ее сделался более спокойным.

– Итак, – она игриво махнула рукой с опустевшим бокальчиком, – дальнейшие этапы моей биографии. Хотя мне всего двадцать два года, жизнь у меня достаточно бурная. Даже пересчур. Четыре года я училась в Институте практического востооведения.

– Ба! У нас теперь даже такой есть?

– Да, расположен на Цветном бульваре...

– Мило. Это там вас обучили владеть любым огнестрельным оружием?

Надежда нахмурила подведенные брови:

– К нашему делу это не имеет отношения. И, будьте любезны, не перебивайте меня, пока я рассказываю.

– Понял. Каюсь. Молчу.

– Итак... Почему-то у бабушки под старость открылся бзик на страны Африки, и она решила, что я должна изучать африканистику. В прошлом году я получила степень бакалавра и должна была сдавать экзамены в магистратуру Института стран Азии и Африки. При МГУ, знаете? Но у меня в жизни, понимаете ли, почтеннейший маг, за последнее время произошли такие события, что обычным, нормальным людям рассказывать просто нельзя – упекут в психушку. Поэтому я пришла к вам.

– Я весь ваш. – Викентий развел руками и шутливо поклонился.

Ох, знал бы он, к каким последствиям приведет его сия риторическая фраза!

– Это хорошо, – спокойно подытожила Надежда. – Значит, я могу довериться вам полностью.

– О, безусловно! – Тут совершенно некстати Викентий окончательно понял, что под лиловым крепдешиновым жакетом у обольстительной Надежды нет ничего, напоминающего бюстгальтер. Это невинное, в принципе, наблюдение почему-то заставило хладнокровного мага-психиатра сделать несколько глубоких вдохов-выдохов и сфокусировать взгляд не на груди собеседницы, а на ароматической лампе из мыльного камня. Черт, и заявляются же такие девицы по не избалованную камасутрой душу! Хоть беги под холодный душ!..

– Вы меня слышите, господин Вересаев? – Голос у красавицы был что надо. Сразу возвращал к нормальному восприятию окружающей действительности.

– Разумеется. Так вы прошли в магистратуру?

– Да. Но что самое интересное, в этом институте у меня появилась подруга. Наверное, первая за всю жизнь! Вообще я ужасно трудно схожусь с людьми, я по характеру человек замкнутый, а уж всяких подружек-сплетниц терпеть не могу, но Маша оказалась не такой.

– Маша?

– Да, Марья Белинская. Мы подружились с ней, когда искали материалы для монографий по схожим темам. Нас интересовали государства на юге Африки. А потом Марья как-то обмолвилась, что у нее есть парень – представитель одного из малых племен Королевства Лесото. Представляете, как интересно?

– Не представляю, но попытаюсь.

– На Рождество Марья решила устроить маленькую вечеринку: из Лесото приезжал ее бойфренд, и они договорились, что это будет своего рода помолвка. Хоть я и отказывалась от присутствия на вечеринке, Маша меня упросила – чтобы я была вроде свидетельницы. Тут-то я и влипла…

Надежда замолчала, выразительно разглядывая золотистую каемку своего пустого бокала. Викентий понял это, как руководство к действию, и незамедлительно наполнил бокал вермутом.

– Благодарю. – Надежда сделала глоток. – Сото, парень моей подруги, приехал на помолвку не один. С ним был его названный брат, или что-то вроде того. По имени Алулу Оа Вамбонга. Но мы звали его просто – Луи, потому что он великолепно знал французский язык. Тогда Луи сказал о себе только, что он – выходец из другого малого племени – вибути, которое находится в восточном ущелье Драконовых гор. Хотя я была бакалавром африканистики и моя выпускная монография как раз посвящалась малоизученным племенам юга Африки, ни о каких вибути я не слышала. Ну, вот… Машка только и делала весь вечер, что целовалась со своим Сото, а я и Луи сидели возле рождественской елки; я пила шампанское, а Луи – только минеральную воду, потому что по законам его племени ему запрещено употреблять в питье все, кроме воды.

– Странное племя.

– Да.

В глазах Надежды стоял сумрак, и Викентий вдруг подумал, что наступил глубокий вечер – так темно стало в комнате.

– Я включу люстру, – сказал маг, но девушка перехватила его руку:

– Нет! Пожалуйста, не включайте света до тех пор, пока я не уйду. Дослушайте меня, осталось совсем немного.

И Надежда снова принялась за свой рассказ, забыв, видимо, что машинально стискивает запястье мага-психиатра своими пальцами. Викентий тоже постарался об этом забыть. Получалось плохо. Поэтому и рассказ своей посетительницы он слушал вполуха.

– Луи потом много рассказывал мне о своем племени. Потом… когда мы стали близки. Это было как колдовство: я влюбилась в него и думала только о том, как быть с ним, быть его покорной и любящей рабыней… На самом деле женщине тоже хочется побыть рабыней, но только чтоб мужчина при этом был настоящим *господином*. А Луи был именно таким. И с тех пор, как я первый раз отдалась ему, он всецело завладел моей волей. Мне иногда даже казалось, что я мысленно слышала его приказы. Или ласковые слова. Я ни в чем, ни в чем не шла ему поперек! Я, внучка генерала!..

Луи приехал в Россию для того, чтобы поступить в Сеченовку, то есть в Медицинскую академию. Не знаю, зачем там, в этом забытом богом племени требовался дипломированный фармацевт. Но Луи учился, а я, пропуская занятия в магистратуре, часами торчала у метро «Кропотkinsкая», ожидая, когда мой смуглый возлюбленный появится в толпе студентов… Потом мы поженились. Просто расписались в загсе, и все. Никакой роскошной свадьбы с шампанским, подвенечным платьем и катанием на Воробьевых горах не было. У нас даже нет свадебных фотографий, потому что по верованиям племени вибути изображение выпивает душу из живого человека и делает его рабом темных сил… Луи никогда не фотографировался и строго запретил это делать мне.

– А как же документы? – удивился Викентий. – Загранпаспорт, зачетная книжка – ведь ваш Луи студент все-таки!

Надежда растерянно глянула на мага:

– Не знаю... Я теперь даже не знаю, был ли у Луи настоящий паспорт...

– Но в загсе вы ведь как-то зарегистрировались!

– Да... Но там все происходило так странно...

Словно все вокруг нас были под гипнозом.

Викентий понял, что эта история начинает щекотать ему нервы по-настоящему. Приезжают, понимаешь ли, в Россию всякие представители отсталых племен, женят на себе самых красивых российских девушек, а потом оказывается, что демографическая ситуация в стране давно перешла критическую отрицательную отметку!

– Что еще особенного вы заметили в вашем... супруге?

Надежда снова отпила вермута и зябко поежилась, хотя в комнате было невероятно душно.

– Когда я стала женой Луи, в моей жизни начали происходить невероятные вещи.

– Например?

– На следующий день после нашей свадьбы умерла моя бабушка.

– Но... это вполне объяснимо. Старое сердце не выдержало бурной радости...

– Бабушка была против этого брака!

– Значит, не выдержало скорби.

Надежда хлопнула бокалом о стол.

– У моей бабушки было абсолютно здоровое сердце! К ней даже студентов водили из медколледжа – чтобы те посмотрели на абсолютно здорового человека, дожившего в здравом уме и прекрасной физической форме до стольких лет!

– Ого!

– А вскрытие показало, что бабушка умерла от яда, – тихо произнесла Надежда и огляделась по сторонам, словно в комнате Викентия могли прятаться какие-нибудь незримые враги. – От очень экзотического яда. Мне сказали, что он одновременно напоминает тетродотоксин и яд эфиопского аспида. Но откуда такой яд мог взяться в Москве??!

– Ну, при желании в Москве можно найти все что угодно... – философски протянул Викентий. Тут в нем проснулся врач: – А спасти вашу бабушку не пытались? Есть ведь плазмаферез, гемодиализ, антидотная терапия, наконец...

– Нет. – Надежда опустила голову. – Врачи утверждали, что ее уже не спасти. Но знаете, что самое ужасное? Луи сказал, что все вопросы, связанные с похоронами, он решит сам.

– Но... он, вероятно, просто не хотел вас нервировать.

Надежда зло усмехнулась:

– Он даже не позволил мне забрать бабушку из морга, попрощаться с нею! А ведь до встречи с Луи она была единственным человеком, которого я любила! Луи отвез меня ночью куда-то за город, в роскошный особняк, заявив, что теперь я буду жить исключительно здесь, а не в бабушкиной квартире. И что у меня будет все, что я только пожелаю. Со мной он оставил трех служанок – они тоже из Африки. Имена у них такие странные: Гууди, Коффуа и Айда-Ведо. Эти служанки никогда не открывают своих лиц, но делают все, что я попрошу. А еще они никогда не спят. И не дают мне шагу ступить за пределы особняка! – Тут Надежда снова разрыдалась. – Я очень люблю Луи, но не понимаю, почему он так поступает со мной! Я забросила учебу, у меня нет друзей – ведь в особняке нет телефона и невозможно никуда позвонить!

– Как же вы попали ко мне? – задал резонный вопрос Викентий.

Надежда перестала рыдать и усмехнулась:

– Сделала куклу.

– Что?!

– Сделала куклу. Элементарно. В том особняке в моей спальне стоит статуя обнаженной девицы. Я ее обрядила в свой пеньюар, сунула в постель, а сама выбралась черным ходом.

– И думаете, ваше исчезновение не заметили?

– Заметили, – спокойно сказала Надежда и притянула к себе наган. – Они здесь с того самого момента, как я переступила порог вашего жилища.

– Кто – *оны*??!

– Гууди. Коффуа. Айда-Ведо.

Викентий затравленно оглянулся по сторонам. Никого. Только слишком густые тени скопились в углах, возле кресел и провисших портьер…

– Подойдите ко мне и поклонитесь господину, чье жилище вы осквернили своим незаконным присутствием! – повелительным тоном меж тем сказала в темноту Надежда.

И дипломированный маг, посредник меж мирами, заклинатель демонов и лучший нейтрализатор порчи от Алтуфьева до Выхина, с остановившимся от ужаса сердцем смотрел, как перед его креслом возникли три стройные, абсолютно черные фигуры и склонились в медленном поклоне.

– Вот поэтому я и просила вас не зажигать света, господин Вересаев. – Понемногу оживая, услышал он спокойный голос Надежды. – При свете они выглядят очень… непрезентабельно. И кроме того, они света побаиваются, слабеют от него, что ли… Гууди, ка унга наройя дамбалайя оэокео! – гневно выкрикнула Надежда в сторону одной из темных фигур.

– Оэзуули ка ногойя вин дамбалайя ки унга, – ответил ей спокойный и какой-то совершенно бесплотный голос.

– О чём вы говорите? – вмешался Викентий. Ему стало по-настоящему страшно.

Его посетительница все меньше походила на истеричную дамочку с выраженным галлюцинаторным синдромом. А уж три темные фигуры Викентий совсем не мог классифицировать с позиций диалектического материализма.

«Все. С магией надо завязывать. Лучше буйных психов лечить солями лития, чем принимать таких… визитеров. С ними сам психом станешь. И соли лития не помогут. Даже электросудорожная терапия будет малоэффективной».

Эти размышления Викентия прервала Надежда:

– Они пеняли мне за то, что я покинула особняк без их разрешения и охраны. Они не хотят, чтобы я подверглась нападению и первой смерти.

«А есть еще и вторая?» – хотел поинтересоваться Викентий, но вместо этого спросил совсем другое:

– Кто собирается на вас напасть?

– А вот это, – Надежда снова навела наган на растерянного Викентия, – и должны установить вы. Вы ведь маг.

– Это… это невозможно!

– Я хорошо заплачу вам. – Не выпуская из правой руки револьвер, левой Надежда расстегнула пару пуговиц на своем жакете («Ой!» – ахнул Викентий) и извлекла оттуда небольшой замшевый мешочек. Бросила на стол. Из мешочка, стуча как стеклянный горох, выкатились крупные алмазы.

– Это аванс.

– Все равно невозможно! Поймите, я вовсе не тот, за кого себя выд…

Одна из темных служанок наклонилась к уху Викентия:

– Сделай все, что велит тебе наша госпожа. Лоа отблагодарят тебя.

– Но почему именно я??!

– Я прочла ваше объявление в газете, господин Вересаев, – все тем же спокойным тоном объясняла Надежда. – Там говорится, что вы гарантированно возвращаете женам пропавших мужей…

– Но вы-то здесь при чем?! Вы ведь говорите, что кто-то угрожает вашей жизни!

– Да. Именно так. Но эти угрозы начались с того момента, как пропал мой муж. Мой Луи. И я не знаю, где он и что с ним.

– Сделай все, что велит тебе наша госпожа...

– Сделай...

– Сделай...

– Уговорили, – нервно усмехнулся Викентий. – Я в вашем распоряжении.

– Тогда до завтра. – Надежда резко поднялась из-за стола, словно давая понять, что этим лимит ее сегодняшней откровенности исчерпан. – Не провожайте нас, господин Вересаев. Мы найдем дорогу.

– А как же завтра?...

– Я приду, – донесся из прихожей голос Надежды. – В это же время.

Викентий посидел с минуту, но, так и не услышав, как за странными посетителями захлопнулась дверь, выскочил в прихожую.

Дверь была заперта.

Изнутри.

На все имеющиеся замки и шпингалеты.

– Чертовщина какая-то! – ругнулся Викентий и взглянул на настенные часы: без четверти полночи! Ничего себе, посидела у него клиентка!

Хотя надо признать, что ради клиентки с такой фигурой и внешностью времени потратить совсем не жалко.

Да что времени...

Викентий подошел к телефону и набрал номер Степана-Гремлина. Трубку долго не брали.

– Да! – наконец рявкнул недовольный Степан.

– Гремлин, это я. Ты спиши, что ли?

– Нет. Бабу трахаю, а ты мешаешь процессу.

– Я серьезно.

– И я серьезно. Кешаня, дай мне хоть раз кончить по-людски, а потом я тебе перезвоню.

– Степа, у меня сейчас была такая девушка... Ты себе не представляешь. Сплошная грязь и загадка.

В трубке раздалось натужное сопение, а потом Гремлин печально произнес:

– Ты враг моего полноценного оргазма, Кешаня, и этого я тебе никогда не прощу. Зовут-то ее как, эту сплошную грязь?

– Надежда.

– Красивое имя. Женщины с такими именами становятся женами вождей мирового пролетариата.

– Завтра она придет снова.

– Вот завтра мне и позвони. Перед ее приходом. А теперь вали, имей совесть. У меня впереди еще полночи и неудовлетворенная, но очень роскошная женщина. Так что отбой.

– Давай трудись, – усмехнулся Викентий. – Надеюсь, твоя роскошная женщина сделана из первоклассного латекса.

– Ах ты скот!..

– Спокойной ночи, маньячок! – С посветлевшей от общения с другом душой Викентий положил трубку.

И только тут понял, что после ухода Надежды так и не включил в комнате свет. Нашарил на стене выключатель бра и повернул его.

А на столе действительно лежали алмазы. И их было много.

Как там поется в старой песне? «Ребята, надо верить в чудеса»?

Ой, надо ли...

* * *

В истомленные долгим ожиданием и зноем джунгли наконец-то пришел дождь.

Он пришел вместе с закатом, окрасившим обмелевшую реку и заросшие тростником отмели в кроваво-багровый цвет тревоги и ожидания. Но дождь, сначала медленно, а потом все сильнее и сильнее колотящий по поникшим листьям пальм, по колючим лианам, превратил джунгли в мир покоя и отдыха.

Однако покой и отдых был дан не всем.

Казалось, что мокрая высокая трава шевелится под напором дождевых струй. Но дождь был здесь ни при чем.

Змеи покидали джунгли.

При этом они были голодны и злы.

Как солдаты, вместо долгожданного «Отбой!» услышавшие команду «Вперед!».

И при этом от совершенно неизвестного им генерала.

* * *

– Она уже здесь, – тоном заговорщика доложил Викентий в телефонную трубку.

– Она хоть стоит того, чтобы я тащился к тебе по такой жаре через весь город? – цинично-ленивым голосом Степана осведомилась трубка.

– Она – просто «хай вольтаж», Степа. Так что ты потом будешь сам себя бить по своей тощей заднице за то, что вовремя не отклеил ее от дивана. Кстати, ты вчера оставил у меня свою барсетку.

– Вот это действительно хорошая новость! Я же без этой барсеточки просто как без яиц... то есть как без рук! Хорошо, что она у тебя нашлась, я переживал, что потерял где-нибудь на улице. Хотел даже в бюро находок обратиться... Да, Кешаня, ты ее не открывал, часом?!

– Нет. Ты же с меня клятву взял. Хотя до сих пор понять не могу, что за барахло ты в ней так любовно оберегаешь от посторонних глаз.

– Много будешь знать...

– Да мне и не надо. Так, все, хорошо болтать, клиентка ждет. Ох, Степа, если бы ты ее видел!

– Жди, сейчас подъеду. Барсетку заберу и заодно посмотрю на твою чудо-девушку. Так уж и быть.

Викентий положил трубку и направил свои стопы в гостиную, где повторялась вчерашняя картина: душный сумрак, неясно очерченный силуэт девушки, сидящей за столом, и тени-изваяния, предупредительно замершие у стен.

– Кому вы звонили? – нервно спросила Надежда.

– Своему близкому другу. Он сейчас подъедет.

– Зачем?

– Видите ли, он для меня все равно что доктор Ватсон для Шерлока Холмса. Ему можно абсолютно все доверить, кроме кода вашей кредитной карты, разумеется. Помимо того, у него неплохие показатели коэффициента интеллекта, так что он вполне может помочь в нашем исследовании.

Надежда встала, а за ней, словно шлейфы из тафты, потянулись сумрачные тени.

– Мне нужны только вы, господин Вересаев, и присутствие третьего лица...

– Ничего не могу поделать, – развел руками Викентий. – Вам нужен я, а мне нужен Степан. Считайте его моим магическим талисманом, без которого я в астрал ни ногой.

– Шутить изволите? – Надежда опять выхватила наган, и тут в неживой тишине квартиры переливчатой трелью разился звонок.

– Опустите оружие, – устало сказал своей прекрасной посетительнице Викентий и пошел открывать.

– Нам ни к чему лишние посвященные! – почти закричала ему вслед Надежда.

– Посмотрим, – бросил Викентий. В конце концов, он хозяин этой квартиры. А значит, хозяин положения.

(А дамочка начала изъясняться прямо-таки в стиле «Индианы Джонса»! «Лишние посвященные», надо же... Как будто эта Надежда явилась к Викентию не мужа искать, а, по меньшей мере, Святой Грааль. Или Ковчег Завета Моисеева.)

Но перед дверью застыла темным истуканом одна из служанок.

– Ты кто, Гууди или Айда-Ведо, как вас там... Шла бы ты к своей госпоже, не мешалась на пути.

– *Госпожа не велит тебе открывать дверь.*

– А если я ее не послушаю?

– *Я ударю тебя.*

– Успеешь?...

И Викентий резко хлопает в ладоши. Он ведь совсем недавно поставил у себя в прихожей новомодную световую панель: включается от хлопка и заливает все вокруг ярким, почти солнечным светом. Ноу-хау.

То, что он увидел за какие-то считанные секунды, произвело на него неизгладимое впечатление.

Во всяком случае, Надежда была неправа, говоря, что ее служанки при свете плохо выглядят.

Визжащее и закрывающееся от света истлевшими руками существо выглядело так, как выглядела бы вывернутая наизнанку змеиная кожа, нацепленная на почти сгнивший кадавр.

– Айда-Ведо, оэко ти ко суамо! – крикнула из гостиной встревоженная Надежда, и уродливое существо по стенке просочилось в спасительную темноту комнаты.

Викентий прямо-таки нечеловеческим усилием воли подавил в себе желание ринуться в сортир и извергнуть в унитаз съеденное за день.

Степан продолжал звонить, а потом принял барабанить кулаком по двери, сопровождая этот незатейливый процесс пошлыми намеками на то, что Викентий явно увлекся своей клиенткой сверх положенной ему государственной лицензии. Надежда выскошла в прихожую.

При столь ярком свете Викентий видел ее впервые. Дьявольски хороша. Воистину дьявольски. Несмотря на то что сегодня на ней просторное, драпирующее все соблазнительные выпуклости длинное платье-хитон цвета сливочного мороженого.

– Вы напугали мою служанку, – упрекнула Викентия Надежда.

– Скорее, она напугала меня своим видом, – усмехнулся тот, стараясь дышать глубоко и ровно, как на учебной медитации. – Так вы позволите войти моему другу? Все-таки прошу не забывать, что вы находитесь на моей территории.

– Да. Извините. Я погорячилась. Но ваш друг должен дать слово, что никому и никогда...

– Не волнуйтесь. Даст.

Едва переступив порог квартиры, Степан принял виртуозно материть бессовестного Викентия за то, что тот непростительно долго не открывал ему дверь.

– Это моя вина, – сказала Надежда из глубины коридора.

Степан очень долгим взглядом посмотрел на девушку, а затем церемонно поклонился:

– Прошу извинить-с! Отвык от дам-с! Вы восхитительны, графиня!

– Она не графиня, – встрял Викентий. Начало разговора ему не нравилось. Не деловое какое-то начало.

— Почем ты знаешь? — возмутился Степан. — У меня прирожденный нюх на древнюю аристократическую кровь! Представь меня графине, бастард несчастный!

— Надежда, это и есть мой друг Степан. В дружеском обществе он обычно откликается на кличку Гремлин.

— Хорошо, я учту. — Надежда поправила платье на плече жестом античной богини.

— Надежда, о, пардон, графиня, я буду с вами откровенен, — напуская на себя светский лоск, изрек Степан. — Вы мне нравитесь. А вот этот отвергнутый даже обществом домохозяек маг не нравится вовсе. Зачем вам он? Вы думаете, он сумеет вам петь мадригалы?...

— Он сумеет сделать то, что мне в данный момент необходимо, — холодно отрезала Надежда, с равнодушным презрением отвергая неуклюжие попытки Степана поухаживать за нею.

— Идемте в гостиную, — со вздохом пригласил всех Викентий. — Только тебя, Степан, предупреждаю: там темно и даже страшно. Потому что у этой уважаемой леди состоят на службе три служанки со странностями.

— То есть? — удивился Степан.

— Видимо, они из породы вампиров, — пояснил Викентий. — Выглядят какими-то несвежими и боятся света.

— Вовсе они никакие не вампиры, — усмехнулась Надежда. — Взрослые люди, а городите чушь. Просто они взяты из племени, где почти все больны особой формой светобоязни. А что касается их внешнего вида, то это редкое заболевание вроде ихтиоза, его этиологию как раз пытались выяснить Луи... Давайте лучше о деле.

Сидеть в полной темноте было непривычно и как-то глупо, поэтому Викентий, с позволения Надежды и под тихие завывания ее служанок, зажег несколько круглых пузатых свечей, своей сочной желтизной напоминавших антоновские яблоки. Степан затребовал себе коньячку, Викентий и его клиентка настроились на трезвость. Страдающие светобоязнью служанки, кажется, прятались в простенках между книжными шкафами.

Викентий кратко ввел Гремлина в курс дела, в соответствии с пояснениями Надежды, разумеется. Гремлин скептически заметил, что это фантастика. Что мужья если и пропадают, то по вполне реальной причине, и никакие инфернальные сущности жен за это не карают. Надежда выразила сомнение в высоте гремлиновского коэффициента интеллекта. В ответ Гремлин сообщил высокому собранию, что наукой недавно доказан факт, что у женщин вес мозга на пятьдесят-сто граммов меньше, чем у мужчин, а это что-нибудь да значит. Викентий заметил, что они здесь не ругаться собирались, а дело делать. Надежда согласилась с Викентием и презрительно скривила губки в сторону Степана.

Дипломированный маг деловито снял со стола скатерть, достал обычный школьный мелок и принялся старательно вычерчивать на ламинате столешницы правильный пентакль для светлых начинаний. Пентакли у Викентия всегда получались отменного качества и на клиентов производили ошеломляющее впечатление. Правда, в случае с Надеждой Викентий не был уверен в надобности пентакля, мало того, он не был уверен в собственной надобности. Да, кое-что у него получалось, да, он частенько верно предсказывал будущее и возвращал клиентам радость жизни, якобы сняв с них порчу. Но это было исключительное везение да хорошее знание психологии. Но с того момента, как появилась Надежда, Викентий почему-то стал опасаться своего слишком вольного обращения с магией. Он-то в магию, духов и демонов не верил. Вот только демонам, кажется, было на это наплевать.

Едва он нарисовал верхний рог пентакля, символизирующий голову Адама, как Надежда отчаянно вскрикнула:

— Вы с ума сошли! Немедленно сотрите!

— Почему?! Всякое вопрошение светлых духов начинается с начертания положительного пен...

— Я не прошу вас общаться со светлыми духами, — злым голосом сказала Надежда. — В моем случае польза от них нулевая. Мы должны обратиться к темной стороне тонких существ! — Она безжалостно стянула с шеи прелестный и наверняка безумно дорогой шелковый шарфик и принялась яростно стирать им начертанные линии.

Профессиональное самолюбие Викентия было задето до невероятности.

— Раз уж вы, сударыня, сами настолько осведомлены, с какими существами вам следует общаться и какие пентакли чертить, зачем вам понадобился я? Занимайтесь магией сами. Только вне стен моего дома, пожалуйста.

Надежда отшвырнула испорченный шарфик и умоляюще сложила руки:

— Как вы не понимаете?! Все очень серьезно! Я могу погибнуть в любой момент и даже не буду знать отчего! Когда рядом со мной был Луи, мне ничто не угрожало, потому что он... Впрочем, это не важно. Викентий, прошу, я умоляю вас: делайте все, что я скажу! Иначе ничего не получится!

— Хорошо.

В дальнем углу гостиной заворачался Степан. Видимо, у него кончился коньяк, но нарушать колдовские ритуалы из-за такой мелочи он почел невежливым.

— Я в вашем распоряжении, Надежда.

— Уберите свечи со стола. Нет, не задувайте! Просто расставьте по всей комнате.

Викентий подчинился. Невидимые темные служанки снова завыли.

— Вы можете еще раздвинуть стол? Хорошо. Хватит. Теперь достаньте из моей сумочки — она лежит на диване — моток веревки и стилеты, их должно быть пять. Не пораньтесь!

Викентий подчинялся, словно в каком-то сне. А когда он, вытащив из сумочки толстый клубок грубой бечевы (она пахла почему-то козьей шерстью) и пять блестящих стилетов с ручками в виде змеиных головок, обернулся к застывшей у стола Надежде, то понял, что это просто не может не быть сном.

Потому что его клиентка стояла полностью нагая, и у ног ее пенилось сброшенное платье цвета сливочного мороженого.

— Отриньте все мысли о похоти, — предупредила часто задышавшего мага Надежда. — И делайте только то, что я вам буду говорить.

Обнаженная девушка легла на стол, раскинув руки и ноги так, что создалось очертание пентакля Лилит — пентакля для темных дел и злых начинаний. Даже в убогом свете свечей тело загадочной посетительницы выглядело так, что Викентий едва не задохнулся от вожделения. Но голос Надежды подействовал на него не хуже ледяного душа.

— Воткните стилеты в стол: напротив моих ступней, ладоней и головы. Постарайтесь воткнуть их ровно и глубоко.

— Можно подумать, я каждый день только и занимаюсь втыканием в стол холодного оружия, — тихо пробурчал Викентий. Вожделение кое-как сублинировалось в сугубо научный интерес: что из всего этого выйдет?

— Теперь протяните между стилетами бечеву. Только идите против солнца. Да, вот так. А теперь раздевайтесь.

— Что??!

— Донага. Быстрее. Мне, между прочим, тоже нагишом лежать у вас на столе удовольствие не весть какое. У вас стол жесткий и холодный. Да снимайте трусы, что вы мнитесь! Вы полагаете, я позарюсь на ваше хозяйство?! Не беспокойтесь, в этом плане вы меня абсолютно не интересуете, тем более сейчас.

Хорошо, что Степан, насосавшись коньяку, уже похрапывал в кресле, а то бы он точно вставил пару-тройку своих сальных замечаний относительно творящегося в квартире бывшего психиатра магического непотребства!

Викентий разозлился на весь этот низкопробный фарс, но трусы снял.

— Так. Беритесь за конец... За конец бечевки! А еще маг! И что у вас только на уме!.. А теперь повторяйте за мной: Хозяин Кладбища, явись!

— Хозяин Кладбища, явись!

— Мать Потерянных, услыши!

— Мать Потерянных, услыши!

— Отец Врат, исполни просьбу!

— Отец Врат, исполни просьбу!

Надежда внезапно замолчала. А ошалевший от всего этого действия Викентий увидел, что у стола стоят, переплетя руки над телом своей госпожи, темные служанки. И конечно, Викентий не услышал, как Надежда прошептала:

— Пусть этот мужчина станет вашим временным вместилищем и пусть ваши голоса вешают его голосом обо всем, что я спрошу у него, о господствующие над всем, что на земле и под землей, о повелевающие теми, кто в небе и над небом. О Лоа ба ину ом таорон аузули!

Викентий, как уже было отмечено, этого не слышал. И потому не понял, почему его тело внезапно сделалось каменно-застывшим: ни рукой, ни ногой не пошевелить. А в сознании клубился только мрак, изредка прорезаемый вспышками-молниями странных, неживых голосов. И он, Викентий, должен был повторять вслух все, что говорили ему голоса-молнии, иначе в его тело мириадами незримых игл впивалась адская боль.

— Женщина, ты потревожила Хозяина Кладбища, — замогильным голосом, казалось, исходящим из-под гранитной плиты, заговорил Викентий. — Разве твой срок уже пришел?

— Сроки и записи в твоей власти, о Хозяин. Я хочу вопрошать о пропавшем человеке. Его имя...

— Не трудись. Хозяин Кладбища знает имя. Хочешь ли ты от меня правды?

— Да, о Хозяин.

— Этот человек мертв. Больше я ничего не скажу. Не зови меня больше, иначе я приду за тобой раньше положенного тебе срока.

Надежда застонала, ее тело выгнулось полумесяцем вверх и вновь тяжело рухнуло на стол. Из-под стилетов, воткнутых в древесину, выкатились черные бусинки крови. Служанки забормотали охранительные заклинания.

— Мать Потерянных! — срываясь на визг, закричала Надежда. — Взываю к тебе! Услыши ту, что на твоем алтаре принесла тебе когда-то жертву девичьей невинности!

В горле, Викентия словно щелкнул тумблер, переключающий радиоканалы, и он каким-то сварливым, капризным старушечьим, явно бабьим голоском загнусавил:

— Слыши я тебя, слыши, чего так орать-то! Вот, я явилась по твоему зову, хотя и против желания, потому что таких паршивок, как ты, следует душить еще в колыбели. Но поскольку ты действительно принесла мне жертву, я скажу тебе все, что знаю. Твой муж мертв. Ты сама знаешь, что он хотел бросить тебя здесь и отправиться в родное племя, где ему нашли бы жену из соплеменниц, чистых по крови да еще знатного рода. Ты знаешь, что не ровня своему мужу, ибо он Царь Непопираемой земли и хранитель пепла всего рода вибути. Глупая белокожая самочка, на что ты надеялась?! На то, что своими бедрами и грудями удержала бы при себе Царя навсегда и он провозгласил бы тебя Царицей Непопираемой земли?! Глупая, глупая! Нет еще на земле женщины с таким лоном, которое сделало бы Царя рабом сладкой плоти. И племя вибути не признало бы ваш брак, но тут вмешался кое-кто из наших.

— Из великих духов?

— Да, — каркающим голосом подтвердила вселившаяся в Викентия старуха. — У мстительной Ерзулии было желание сделать какое-нибудь доброе дельце. Вот она возьми да и провозгласи среди высших духов и духов предков племени, что твой союз с Царем — законный. Бедный Алулу Оа Вамбонга! Конечно, он не посмел перечить воле божественной Ерзулии и, возвратившись в племя, объявил, что у него уже есть законная белокожая жена в далекой дикой

стране, где не чтят Лоа и не приносят священных жертв. Племени пришлось признать тебя. Племени пришлось молиться за тебя и приносить жертвы за тебя, как за настоящую жену. Под праздник предков – бузонги – Царь Алулу хотел возвратиться за тобой и отвезти тебя в свое племя, чтобы провести путем Царицы. Но судьба оказалась против тебя, белокожая самочка! И хитрая Ерзулия не смогла исправить твой путь так, чтоб он стал путем посвященных… Ибо во время прошлого новолуния твой муж пошел омыться в священном источнике и его ужалила змея. Тысяча зозобов мне в очи! Царь Непопираемой земли умер от укуса паршивой змеи!

– О горе! – застонала Надежда, мечась по столу. – Этого не может быть! Я не могу жить без него! Мой Луи, мой любимый!

– Ты знаешь, что Царь Непопираемой земли может умереть от укуса змеи только в одном случае, – голосом старой карги продолжал вещать Викентий, трясясь, будто в лихорадке. – Только если его законная жена изменила ему трижды по три раза!!! Ты сама виновата в смерти своего мужа, белокожая распутница!

– Нет! Я не изменяла ему! – билась Надежда, а из-под лезвий воткнутых в столешницу стилетов текла густая черная кровь. – Никогда! Даже в мыслях! Я любила и ждала его! Я не изменяла!

– Ну, это дело не мое, я к тебе под одеяло не лазила, – проворчала Мать Потерянных. – Только выбуди в это верят. И колдун Тонтон Макут уже отправил по твою душу трех кошонгри.

– Мертвых убийц?! Черных демонов?

– Само собой. Они будут охотиться за тобой, пока не отомстят за смерть твоего мужа. Или пока не умрет колдун Тонтон Макут. Только он живет вот уже триста лет и недавно завел себе новую наложницу. Так что его смерти ты не дождешься. Лучше готовься к своей. И напоследок я тебе вот что скажу, девочка, хоть и не нравится мне твой характер: зря ты с нами связалась. Зря.

– Помогите мне! Помогите! – закричала Надежда и схватилась за протянутые вокруг нее бечевки.

Те мгновенно вспыхнули как вольфрамовые нити и испарились. А очнувшись от транса голый Викентий заорал вслед за клиенткой, потому что вспыхнувшая бечева обожгла ему руки так, что вздулись волдыри. Он грохнулся на пол, скорчившись от боли, внезапно обрушившейся на каждую клетку его тела.

– Что это было? – простонал дипломированный маг. В голове у него гремел оркестр из бетономешалок и отбойных молотков, плечи свело судорогой, а в желудок словно залили расплавленного свинца.

– Включите свет, – прохрипела Надежда и кое-как слезла-свалилась со стола, начав шарить на полу платье. – Да включите же свет!

Викентий обожженными руками неумело выполнил просьбу. Уже одетая Надежда, едва глянув на его ладони, всплеснула руками и принялась помогать ему одеваться, поминутно спрашивая, есть ли у Викентия в доме аптечка с бинтами и противоожоговой мазью. Где-то в районе самых темных углов книжного шкафа тихо подывали Надеждины светобоязливые служанки. В комнате царил полный разгром. Одевшись и слегка придя в себя, Викентий увидел, что в его замечательном магическом столе прожжены солидных размеров дыры: как раз в тех местах, где находились стилеты. Самых же стилетов не было и в помине.

– М-магия… – ругнулся (ой, блин, как же голова трещит!) повелитель духов и сурово взглянул на Надежду.

– Я вам все объясню, – пообещала та неуверенно…

И тут проснулся Гремлин.

– Братва! – рыгнул он, отравляя атмосферу продуктами переработки коньяка «Мартель» Дустовского ликероводочного завода. – Когда колдовать будем?!

– Наколдовались уже, – мрачно брякнул Викентий. – Под завязку.

Потом они тихо-мирно расположились на кухне. Надежда умело забинтовала ожоги отэксплуатированного ею мага. Викентий выпил две таблетки темпалдола и ощутил, что бетономешалки и отбойные молотки в его голове пошабашили и отправились, видимо, на другую стройку. Степан пил крепкий кофе, тщетно пытаясь прозреть. Кофе тоже сварила Надежда. Она вообще вела себя несколько странно: словно пыталась угодить двум малознакомым мужчинам...

Или просто боялась выходить за порог этой квартиры.

Викентий после всего происшедшего (а произошло ли оно?) неторопливо возвращался к нормальному восприятию действительности и задумчиво рассматривал свою странную клиентку. Нет, уже не с точки зрения того, что под платьем скрывалось тело, способное возбудить даже кладбищенскую статую. Его занимал другой парадокс. Викентий даже придумал ему название. «Парадокс контрабандной магии». Все просто и все невероятно сложно. Он, Викентий, реально в магии смыслит столько же, сколько воробей – в синдроме Шерешевского-Тернера. И владеть ею не может, как не может тот же пресловутый воробей ввести генетические изменения в клиническую картину пресловутого же синдрома. Далее. Если взять за исходную точку то, что Надежда сама пришла за помощью к Викентию как к магу (по объявлению), следовательно, ей так же чужды оккультные способности. Должны быть чужды, во всяком случае...

Тогда почему в столешнице прожжено пять дыр неизвестно куда подевавшимися стilettами? Почему Викентий помнит только то, как Надежда приказывала ему повторять за нею всякую тарабарщину, а дальше он начал себя «условно ощущать» лишь с момента, когда ладони словно обожгло утюгом? Что он делал – нагой – перед распластанной перед ним на столе голой женщиной? Нет, судя по предупредительно-равнодушному лицу Надежды, ничего, хотя бы отдаленно напоминающего секс, не было.

Значит, между ними – им и клиенткой – возник некто третий (Степан не в счет и служанки эти малахольные тоже). Возникла магия.

Только какая-то непонятная.

Непривычная.

Ни черная, ни белая, ни серая даже!

К он т р а б а н д н а я .

– Вы будете кофе, Викентий? – осведомилась Надежда тоном благовоспитанной уроженки Мэнсфилд-парка.

– Нет. – Бывший психиатр посмотрел на клиентку недобрый взглядом. – Вы меня манерами не умиляйте. Объяснитесь, будьте любезны, что здесь произошло! И что вам, наконец, от меня надо!!!

Надежда поставила кофейник на стол и воззрилась на мрачного дипломированного мага взором оскорбленной невинности:

– Это я как раз у вас хотела спросить, господин Вересаев!

Бывший психиатр чуть не онемел от такой наглости.

– Вы, – зашипел он, – явились ко мне, угрожая оружием и требуя выяснить местонахождение вашего супруга, так??!

– Да-да... Но насчет оружия вы зря. Оно ведь у меня не заряжено. Я обратилась к вам с чистой душой и искренним желанием, а вы...

– Что я??!

– Как?! Вы даже ничего не помните?! – изумилась прекрасная вдова загадочного африканца.

– Не помню.

– Ничего себе! Вы чуть не силой заставили меня раздеться донаага, разделись сами...

– Я?! Вас?! Заставил??

– Да. Велели лечь на стол, понатыкали возле моих рук, ног и головы кухонных ножей...

– Кухонных?!

– А потом стали призывать каких-то темных духов, чтобы они в вас вселились и поведали все тайны.

– Я схожу с ума, – медленно протянул Викентий. – Степа, ты слышишь, я призывал темных духов!

– Да, это на тебя не похоже, – авторитетно заявил бледный от неумеренного потребления коньяка Степан. – Не твой стиль работы. Вы ему, графиня, пардон, горбатого-с лепите! С-с-с, что ж так голова-то, зараза, раскалывается!

– Ах, не вызывали? – прищурилась Надежда. – А кто же тогда вещал загробным голосом, что мой муж умер у себя на родине от укуса змеи?

– Кто вещал? Я не вещал. Степан, может, все-таки ты вещал?

– Я не мог, – после долгих размышлений заключил Степан. – Я был в отключке. Это ты вещал, Кешания, точно!

– Вот-вот! – Тон Надежды был каким-то истерично-обличительным. – Наконец-то вы поверите! Уж не мне, так хотя бы вашему другу!

– Значит, я сказал вам, что ваш муж пропал потому, что уехал к себе в Африку и там подлая африканская змея лишила его права жить и любить. Так?

– Так.

– Какая душещ-щ-щипательная история! – констатировал Степан.

– Больше я вам ничего не наговорил? – сердито покусывая губы, поинтересовался бывший психиатр.

– Наговорили. Что змея укусила моего мужа в Африке потому, что я в России ему изменила...

– О! – поднял палец Гремлин. – Какая жуткая взаимосвязь! Какие сюр-р-реалистические гримасы зловещего Рока могем мы наблюдать при помощи примера из жизни и быта обычной российско-африканской семьи!!! Отелло может просто отдыхать и засовывать свои текстильные вещдоки в самые темные места собственного организма. Поскольку пришли новые времена и с ними – новые образцы доказательства супружеской неверности! Тока змея мужика за пятку – цап, он и думает: ага, это моя любимая женушка-зараза мне рога наставила! Тока обидно. Очень обидно, что на эти размышления у мужика времени почти и не остается. Судьбенец, понимаешь!

– Да замолчите вы! – прикрикнула на Степана Надежда. – Вам шуточки, а я серьезно. Вы же сами сказали мне, то есть духи изрекли через вас, господин Вересаев, что теперь мне угрожает гибель!

– От кого?! – почти простонал Викентий.

– От мстителей за смерть моего мужа, – заплакала Надежда. – Но я ведь не виновата в его смерти! Я ему не изменяла! Мало ли почему его змея укусила! А если б ему на голову пальма упала – значит, тоже надо жену винить во всех грехах?! Вот он, типично мужской подход! Сексисты проклятые!

– Надежда, кончайте реветь, – утомленно проговорил Викентий.

В голове у него наконец воцарилось то состояние, которое моряки называют «полным горизонтом»: абсолютная ясность мысли и непоколебимая и безмятежная, как морская гладь, уверенность, что его посетительница лжет. Не во всем. Но во многом.

– Чего вы от меня хотите, сударыня? – холодновато осведомился бывший психиатр. – Имейте в виду, поскольку мною, согласно вашим же словам, овладевают темные духи, далеко не все ваши просьбы я захочу или смогу выполнить. Так что? Помочь вам составить текст соболезнований, который вы телеграфируете на родину вашего покойного супруга? Выяснить, где в Москве лучше всего заказать траурное платье и сделать макияж? Еще я могу вам посо-

ветовать пару недель принимать валиум или реланиум. Видите ли, у вас я наблюдаю острую форму синтеза так называемого бреда сверхценных идей с параноидальной аффектацией. Вам бы к психиатру обратиться...

Надежда кошкой вцепилась в ворот рубашки Викентия и зашипела, сверкая совершенно ненормальными глазами:

– Ах ты скотина! Сам втянул меня в какую-то оккультную дрянь, а теперь советуешь лечь в психушку! Ну, нет! Я отсюда никуда не уйду! – Она выпустила захрипевшего Викентия и встала посреди кухни. – Я отсюда – ни ногой!!!

– Это почему? – возмутился Викентий. Нет, клиентка была, бесспорно, привлекательная женщина, но любая красавица теряет в глазах мужчины семьдесят процентов красоты, если становится чересчур навязчивой, топает ногами, бьет посуду да еще и претендует на его жилплощадь.

– Да потому! – закричала Надежда. – По вашим же словам! Вы сказали, что меня уже ищут черные убийцы, посланные племенем, чтобы отомстить за смерть моего Луи! А вы обязаны меня защитить!

– Это тоже были мои слова? – быстро переспросил Викентий.

– Нет! Мои! Я заплачу вам, у меня достаточно средств!

– Тогда наймите себе два десятка телохранителей, они вас будут охранять лучше, чем Кешаня, – резонно заметил Степан. Неизбежная трезвость коснулась и его бесшабашной головы. – Скажу вам по секрету, мой друг – весьма хлипкая в плане всяких разборок личность. Бокс, карате, стиль «пьяной обезьяны» не его призвание.

– Мне не нужен стиль «пьяной обезьяны», – отрезала Надежда. – Мне нужен маг, способный повелевать духами тьмы. Викентий может. Он остановит черных убийц.

– Завидная уверенность, – хмыкнул Викентий. – Нет, здесь реланиума мало. Галоперидол – вот выход из ситуации!

– Слушайте, слушайте, – лихорадочно забормотала Надежда. – Черные убийцы – это вовсе не люди. Это черные сны и черные грехи. Это неотомщенные преступления и скрытые беззакония… Они проникают сквозь замки и запоры…

– Им «нет преград на море и на суше», – подыграл Степан, которому порядком начинал надоедать весь этот оккультно-мистический бред.

– Они идут за мной, но если вы, повелитель теней, встанете на мою сторону и прикажете им оставить меня, они отступят, – отчаянно прошептала Надежда, глядя Викентию прямо в глаза.

Тот молчал, не зная, что ответить. Степан тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Девица явно была сумасшедшей. Причем сумасшедшей с мощным оккультным уклоном. Может, ей бригаду вызывать?… Нет, не стоит. Понаедут тут с носилками, с мигалками, с завыванием сирены…

Степан представил, как воет сирена кареты «скорой помощи», и внутренне поморщился. А потом вдруг понял, что закладывающий уши вой раздается вовсе не в его воображении.

Выли служанки. Они дрожащими комьями каких-то лохмотьев выползли на свет кухни и, простирая к Надежде костлявые длани, завыли:

– О-о, кошонгри! О-о, кошонгри! Оулиа ээу атупиро-о-о!

– Прочь! – отпихнула их ногой Надежда.

– Что они говорят? – спросил Викентий, а Степан смотрел на этих незагrimированных обитательниц кладбищ с неподдельным ужасом и детским восторгом. Кажется, он этой ситуацией наслаждался. Это вам не переводы голливудских «Чужих» с мрачной Сигурни Уивер во главе! Тут, на линолеуме простой российской кухни такие чужие обретаются – Голливуду только утереться и молчать в тряпочку!

– Они пророчат мне смерть, – меж тем сказала Надежда Викентио. – Они чувствуют приближение черных убийц. На их языке они называются кошонгри.

Надежда встала прямо перед Викентием, положила руки ему на плечи, посмотрела в глаза… А он вдруг подумал, что такие выражения лиц, как вот у этой девушки сейчас, бывают у больных раком детей и выброшенных на помойку щенят.

Такое выражение лица трудно натянуть как маску.

А еще труднее – отказать в помощи человеку, который так на тебя смотрит.

– Только не вздумайте снова реветь, – предупредил Викентий. – Что я должен делать? Зажечь освященные свечи? Воскурить травы? Начертить тройной магический круг для защиты?

– Я не знаю, – шептала Надежда. – Мне теперь почему-то все равно. Обнимите меня, пожалуйста.

– А это поможет?

– Но ведь и не повредит… Поцелуйте меня, Викентий. Почему мне приходится обо всем вас просить?

Они стояли и целовались посреди кухни. Степан посмотрел на это дело минут пять, а потом тихо вышел из квартиры и прихлопнул за собой дверь. Он не заметил, что следом за ним, словно комки мусора, в дверной проем выкатились странные служанки.

И была в квартире тишина.

И два целующихся человека, не замечавших ничего вокруг.

А потом что-то произошло.

Нет, тишина в квартире оставалась прежней.

И два человека по-прежнему лнули друг к другу.

Только стекла в окнах почернели и вспучились, как наволочки на ветру.

Только стены стали жидкими и расплавленным вязким гудроном потекли на засыпанный густым черным пеплом пол.

Пеплом, падавшим с потолка.

На двух людей, один из которых уже не был человеком.

Точнее, одна.

Викентий не мог кричать – мелкий пепел забивал горло – и только смотрел.

Как девушку, которую он только что целовал, словно окутывает покрывало из черного шифона. Покрывало из бесконечно движущихся черных невесомых частичек странного пепла. И как Надежда, в пароксизме отчаяния прижимавшаяся к нему, дипломированному магу, сама становится пеплом. Черным прохладным пеплом, струящимся с его плеч и рук к ногам.

А потом гаснет свет.

Как в театре, когда представление заканчивается.

* * *

Желто-синяя пама, струясь по камням своим гибким чешуйчатым телом, покидала гнездо. Инстинкт подсказывал ей, что делать этого не следует, особенно теперь, когда в гнезде есть кладка. Кладка остывает, если мать покинет ее, и не будет потомства, не заскользят среди камней и кустов молодые памы с яркой, свежей окраской чешуи…

Но ведь был и другой инстинкт.

Сильнее и древнее прочих.

Инстинкт Призыва.

Желто-синяя пама повиновалась Гласу Призывающего.

Она повиновалась Цели.

Через некоторое время камни под телом ползущей змеи сменились разогретым покрытием автомагистрали.

* * *

Это было омерзительно. Да, именно так смог охарактеризовать Викентий насквозь пронявший горелой резиной воздух своей квартиры. Именно эта вонь, волнами накатывающая из полуоткрытых окон в комнату, заставила дипломированного мага разлепить словно свинцом налитые веки и мутным взором посмотреть на окружающий мир. При этом окружающий мир с каким-то маниакальным упорством ускользал от размытого взгляда Викентия и ехидно подсовывал ему всякие глупые и никчемные детали, вроде сброшенного на пол пледа, тапочек, забытых на журнальном столике, и прочих натюрмортов.

Да еще пахло горелым.

Да еще кто-то на улице принялся вопить так, что хотелось пустить себе пулю в лоб.

– Ах ты, хромосомная аберрация, Митька, паршивец! Ты что же это себе позволяешь с утра пораньше! Чаво?! Это ты так мотоцикл чинишь?! Ты не мотоцикл чинишь, ты теорию Дарвина нарушаешь, ошибка в пептидной цепочке! А ну, глухи свою технику немедля!

Вышеприведенный монолог Викентий, не вставая с дивана, слушал с чувством глубокого удовлетворения. Реальность, благословенная проза обыденности и безмятежности бытия возвращалась к нему. И немалую роль в этом сыграли дворовый байкер Митька, у которого беспрестанно ломалась его «хонда» собственной сборки, и ругавшая Митьку почетная пенсионерка Зинаида Геннадьевна Мендель-Морган. Зинаида Геннадьевна всю свою жизнь отдала науке – работала уборщицей в НИИ цитологии и генетики – и потому считала своим гражданским долгом воспитывать байкера Митьку согласно постулатам хромосомной теории... Митька воспитанию поддавался плохо. Поэтому при каждой новой починке его «хонда» воняла еще пуще и отправляла атмосферу так, словно во дворе их многоэтажки побывали кошонгри.

Что?!

Викентий вскочил с дивана как ошпаренный. Затравленно оглядел привычный бардак в своей комнате и ринулся на кухню.

И все вспомнил.

Нет, на кухне не было осколков оплавленного почерневшего стекла, обгорелых стен и слоя жирного пепла на полу. Кухня оставалась абсолютно обычной кухней застарелого холостяка и лишенной какого бы то ни было признака того, что здесь произошло вчера.

Произошло вчера...

«Стоп, – сказал себе Викентий. – А произошло ли?»

Он прошел в гостиную, где обычно принимал своих клиенток.

Стол, на котором вчера лежала обнаженная девушка по имени Надежда, имел вид совершенно целомудренный и даже деловитый. На гладкой плюшевой скатерти в идеальном порядке лежали колоды карт Таро, магический кристалл блестел согласно прейскуранту и рекламному проспекту, но самое главное...

Все было чисто.

Катастрофически и идеально чисто.

Даже мама Викентия (упокой, Господи, ее душу!) не смогла бы добиться такой идеальной чистоты.

– Не понимаю, – повторял Викентий, бродя по всей своей изумительно приобретенной квартире, – не понимаю. А была ли девочка? Надя, Надя, Наденька... Африканская вдова...

И тут бывший психиатр замер над старенькой тумбочкой, что стояла в углу коридора. Потому что на тумбочке лежала очень знакомая вещь. Барсетка Степана, которую тот вчера

совершенно точно забрал, прижимая к груди, словно мать – младенца. И Викентий точно об этом помнил!

Викентий, безусловно, был плохим магом. Даже отвратительным. Но как психиатр он свое дело знал. И поэтому понимал, что состояние, при котором человек просыпается в твердом убеждении, что вчера с ним происходило нечто ирреальное, в клинической психиатрии имеет целый ряд определений и вполне поддается медикаментозному лечению.

– У меня переутомление на почве постоянного общения с оккультно-озабоченными клиентами, – самодиагностировался Викентий, осторожно прикасаясь к барсетке, чтобы убедиться в ее материальности. – Следует прервать на время практику, отменить все встречи – и в Тарусу, к двоюродному брату. Жить в деревянном доме с некрашеными полами, по утрам обливаться ледяной водой из колодца, спать на сеновале. Иначе меня самого ждет какой-нибудь мрачный диагноз. Ведь я прекрасно понимаю, что вчера ничего не было! Я проводил клиентку, ту, которую демоны насилиют, потом мы трепались и пили пиво со Степаном, Степан ушел, и вот тогда я услышал звонок и пришла Надежда. Черт, какая Надежда! Не было ее! И нет! Она рассыпалась пеплом у меня в руках, но этот пепел тоже бесследно исчез! А то, что мы не воспринимаем как ощущение, не существует! И хватит об этом!!! И Степан, значит, за своей барсеткой вовсе не возвращался! Померещилось мне это все! Померещилось!!!

Бывший психиатр чертыхнулся и отправился в ванную. Включил прохладный душ, встал под его тугие струи, зажмурился, с удовольствием ощущая, как вода смывает с него все: утомление, ненужные мысли и неприятный запах горелой резины, воцарившийся в квартире из-за проискнов байкера Митьки. Не глядя, Викентий потянулся к полочке, где висела его корявая губка для душа и стоял полупустой флакон геля «Palmolive Aroma Therapy». Флакон оказался неожиданно тяжелым.

– Что такое? – ругнулся Викентий и потряс флакон.

В полупрозрачной пластиковой бутылочке что-то странно загремело и засияло.

Викентий протер глаза, открутил у флакона колпачок и вытряс содержимое прямо на дно ванны.

Разумеется, на гель для душа это содержимое походило мало.

Викентий отбросил пузыrek, присел на корточки и осторожно, словно боясь обжечься, взял со дна ванны крупный бриллиант, немного скользкий от мыльной пены...

Собрав пригоршню бриллиантов, Викентий стоял под струями душа и задумчиво любовался тем, как драгоценные камни играют, сверкают и дрожат под напором воды. При этом в его сознании возникали отвлеченные мысли вроде того, что на самом деле идею о том, что настоящий бриллиант неразличим в воде, придумали либо жулики, либо люди, никогда не видавшие бриллиантов. А еще Викентий думал о том, как теперь ему расценить вчерашнее появление Надежды в его доме: как онейроидное помрачение сознания, галлюцинаторный бред или первичный признак реактивной депрессии?

Бриллианты Викентий так и оставил в ванной, на полочке рядом со своей корявой мочалкой и пустым флаконом из-под геля для душа. Он очень надеялся, что через некоторое время эти злополучные камушки исчезнут. Каким-нибудь сверхъестественным способом. И тогда его восприятие реальности станет вполне адекватным.

Реальность требовала от Викентия немедленных действий в виде приготовления скучного холостяцкого завтрака и звонка другу. Степан придет, сожрет его, Викентия, законный завтрак, выпьет пива, и жизнь снова войдет в нормальное русло. Без бриллиантов, оккультных чудовищ и превращающихся в горстку пепла девиц.

Бывший психиатр принял разогревать смерзшийся пласт пиццы в микроволновке (откуда в его холодильнике взялась пицца, Викентий не знал, но предположения его в этой области касались исключительно Степана, поскольку именно Гремлин обожал сей омерзительный полуфабрикат под громким названием «Пицца по-мексикански»). Когда из микровол-

новки повалил едкий дым, Викентий решил, что пицца готова и пора позвонить Степану. Однако энергичный Гремлин и здесь опередил своего менее темпераментного товарища. В тот момент, когда Викентий отколупывал последние ингредиенты мексиканской пиццы со стен своей микроволновки, и появился Степан, возвестив о себе длинным переливчатым звоном. Викентий выключил микроволновку и пошел открывать дверь.

– Ты еще не сожрал мою пиццу? – вместо приветствия спросил Степан.

– Нет, как видишь. Я все еще жив.

– Это хорошо.

– Что именно? Что я жив?

– Нет, что пицца достанется мне.

– Я на нее и не претендовал. Меня никогда не прельщали ни пища, ни женщины, требующие дополнительного подогрева.

– Молчи, остроумец! Ты ее разогрел? О, какой запах!.. Жрать хочу, пиццы мне, пиццы! – С этим кличем Степан протопал на кухню. Из принесенного с собой пакета извлек полдюжины банок коктейля «Отвертка», две коробки кильки в томате и завернутое в промасленный номер «Московского комсомольца» нечто, запахом и формой напоминающее чебуреки из какого-нибудь привокзального ларька.

– Всякую дрянь в дом тащишь, – укоризненно упрекнул приятеля Викентий.

– Это не дрянь, а мой завтрак, так что попрошу его не оскорблять. Это ты по утрам питаешься соевым творогом и пьешь протеиновые коктейли, хотя я тебе уже сто раз говорил, что подобный рационпрямая дорога к импотенции.

– Заткнись.

Степан только заржал.

– Все бы тебе, Степа, ржать, – печально констатировал Викентий.

– На то я и конь, – прошамкал набитым пиццей ртом Степан. – Жежебец-пгоизводитель.

Когда «жежебец» наконец насытился, Викентий с лицом, выражавшим тайное торжество, выскоцил в коридор, взял с тумбочки злополучную барсетку и вернулся в кухню, где торжественно продемонстрировал сей предмет Степану.

– Козырная барсеточка, – сказал на это Степан. – На мою очень похожа. Где достал? В «Мире кожи» в Сокольниках?

Викентий чуть не сел мимо стула.

– Погоди… – прохрипел он. – Разве это не твоя?!

– Нет, конечно. Свою я дома оставил. Кешаня, что ты такой бледный?

– Тогда откуда она здесь взялась? – Викентий смотрел на барсетку, словно та была живой змеей. – Откуда?!

Степан понял, что с его другом творится нечто неладное.

– Ты успокойся, Кешаня. Может, кто из клиентов забыл?!

– Не может… – прошептал Викентий, сathanея оттого, что жизнь становилась каким-то ребусом. – Не может!

И он яростно рванул замок пухлой кожаной сумочки.

И на стол хлынул поток фотографий.

– Ух ты! – удивился Степан, рассматривая карточки. – Красивая девушка! Глаза такие выразительные. И улыбка… Я же тебе говорю, точно, клиентка оставила.

Викентий почти не слышал Степана, механически перебирая снимки. Да, на всех была одна и та же девушка. Только снята она была *со спины*. И Викентий не видел воспеваемых Степаном «выразительных глаз и улыбки», а лишь копну длинных волос цвета «золотой орех» и плечи, обтянутые лиловым крепдешином. Впрочем, большего ему и не требовалось. Надежду он узнал бы и *со спины*.

– Красивое лицо, говоришь? – только и спросил он у Степана и принялся заталкивать снимки обратно в барсетку.

– Ну, – подтвердил Степан и слегка удивился, когда его друг сунул раздувшуюся сумочку в мусорное ведро. – Почему?

– Надо.

– Она кто?

– Никто. Ее просто нет. И не должно быть.

– Ого-о! – присвистнул Степан. – Да у тебя появились сердечные раны, Кешаня!

– Степан, – металлическим голосом рыкнул Викентий, – закрыли эту тему.

– Лады. А то ты и вправду какой-то смурной сделался. Хочешь, анекдот расскажу? Свежий! Из жизни! Я сам был свидетелем!

– Валяй, – вяло согласился Викентий. После ситуации с загадочной барсеткой и не менее загадочными фотографиями у него было тошно на душе. И снова появился страх. Безотчетный и назойливый. – Давай свой анекдот из жизни.

– Дело было не далее как сегодня утром. Мне надо было смотреться на Цветной бульвар к одному кренделяю, который классно занимается оцифровкой. Сажусь я на своей станции, тихо-мирно еду, и вдруг на станции «Фили»…

– Две девчонки в дверь вошли? – приходя в себя, съязвил Викентий.

– Отнюдь, мон гран ами! Вошла старушка. Божий одуванчик, осколок старой Москвы времен Гиляровского, словом, сплошная интеллигенция.

– Надеюсь, ты уступил старушке место?

– Места и так были, – отмахнулся Степан. – Это не суть важно. Важно было то, что старушка несла в своих немощных ручках огромную коробку с надписью «Торт» и букет бело-снежных георгинов. Прошу заметить еще раз: коробка была огромной! Я сразу просек, что в ней не простой торт, а такой, какой делают на заказ – для большого банкета или там похорон. Я даже удивился, как бедная бабулька тянет такую тяжесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.